

Василий Арсеньев

Путь истины

Дмитрий Донской

18+

Василий Арсеньев

Путь истины. Дмитрий Донской

«Автор»

2020

Арсеньев В.

Путь истины. Дмитрий Донской / В. Арсеньев — «Автор», 2020

На Руси настали тяжелые времена. Княжеские междоусобицы ослабили страну, сделав ее неспособной противостоять нашествию с Востока. Беды множились день ото дня. Народ пребывал в страхе перед иноземцами. Но прошло сто лет. В новом веке начались перемены. Так, появился Праведник, который открыл эпоху духовного возрождения народа. А вскоре на престол Москвы взошел великий князь, который первым бросил вызов грозному врагу и положил начало объединению Руси, что ознаменовалось рождением новой страны под названием Россия...

© Арсеньев В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Нашествие	6
Глава вторая. Чёрная смерть	22
Книга первая. Отрочество	30
Глава первая. Крестьянка	30
Глава вторая. Противостояние	41
Глава третья. Святая обитель	58
Глава четвёртая. Великая замятня	66
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Василий Арсеньев

Путь истины. Дмитрий Донской

*А Русскую землю Бог да сохранит!
Афанасий Никитин Хождение за три моря*

*Лучше нам смертью
славу вечную добыть,
нежели во власти поганых быть.
Повесть о разорении Рязани Батыем*

*Памяти матери моей Т.И. Арсеньевой, учителя истории, посвящаю.
Василий Арсеньев*

Пролог

Глава первая. Нашествие

В год 1223 от Рождества Христова¹ в славном русском граде Галиче правил удалой князь Мстислав Мстиславович. Однажды на пятый день седмицы видел он сон. Гнались за князем черти, а он, вскочив на коня, бежал от них. Казалось, нет надежды на спасение, но вдруг впереди блеснули воды могучего Днепра. Ладьи стояли у берега. Князь проворно спрыгнул с коня, но в этот миг его настигли враги рода человеческого, – тщетно он отбивался от них. Погиб Мстислав, – во сне, – он вскрикнул и проснулся в холодном поту...

Поутру донеслась до княжьего двора весть о посольстве половецкого хана Котяна.

Кыпчаки – половцы... Это были те самые кочевники, которые совершали набеги на землю русскую, грабили и жгли христианские селения, уводили в плен людей православных. Порою князья сами призывали их, дабы отнять вотчину у брата своего, а иногда брали в жёны дочерей ханов половецких...

Мстислав и бояре его вышли на широкий двор, запруженный народом, и усладили они очи свои лицезрением даров половецких: лошади, верблюды, невольницы в хиджабах, – все было добыто в набегах на торговые караваны. Между тем, Котян сошёл со своего стройного аргамака², после чего князь русский и хан половецкий обнялись по-родственному.

– Беда великая привела меня к тебе, зятюшка! – молвил гость. Мстислав качнул головой, дескать, о делах – после, и повёл тестя в палату трапезную, где всё было готово к встрече почётных гостей. На пиру князь посадил хана половецкого по правую руку от себя и потчевал его медами и винами заморскими.

– Кто они и откель пришли?

– Никому сего не ведомо, – отвечал на вопрос князя хан Котян. – Величают их разное, наипаче татарами. Давеча они прошли сквозь перевалы гор Кавказских и вторглись на земли наших исконных недругов – ясов и касогов. Послы татарские затуманили очи князьям половецким заверениями искренней дружбы. Но когда татары победили аланов, двинулись в степи половецкие, – они застали нас врасплох и обратили в бегство. Я мыслю так, – токмо купно (вместе) можно одолеть их! Сегодня нашу землю отняли татары, а вашу завтра придут и возьмут...

В тот же день Мстислав послал гонцов во Владимир-Волынский к зятю своему Даниилу Романовичу, а также в Чернигов и в Киев. Прочитав грамоту галицкого князя, Мстислав Романович Киевский усмехнулся:

– Татарской сабле на земле русской вовек не махать!

Прошло немного времени. Во дворце князя киевского собрался военный совет. Мстислав Романович по старшинству первым держал слово:

– Вспомним, братья, дела давно минувших дней. Некогда печенеги терзали нашу землю, – паче ста лет они грабили грады и сёла, уводили в полон людей русских. Наш великий пращур Ярослав Мудрый разбил их под стенами Киева. Печенеги исчезли, но на их место пришли

---

¹ Русь в те времена жила по летосчислению от сотворения мира – это был 6733 год (прим. авт.).

² Аргамак – степная лошадь (прим. авт.).

хинови³. Мы били половцев в те времена, когда были едины! В лета же княжеских браней они приходили на Русь и жгли христианские селения. Теперича с Востока подступают к рубежам Руси новые кочевники. Ныне да выступим на поганых сообща! Лучше мы, братья, встретим врага на чужой земле, нежели на своей. Выйдем в степь половецкую и повоюем сих татар!

***

Князья привели свои рати под крепость Заруб и произвели смотр полкам: сорок тысяч ратников насчитали они. Давно не бывало на Руси столь великих ратей! Но в те дни вражда пробежала между двумя старшими князьями: Мстиславом Киевским и Мстиславом Галицким.

– Должно идти нам под единым началом, – упрямо молвил великий князь Киевский. – Я – старейший в роду!

Но не мог стерпеть обиду Мстислав Галицкий:

– Рано забыл ты, княже, кто тебя возвёл на киевский престол!

Третий Мстислав – князь Черниговский вмешался в котору⁴:

– Каждый да ведёт на брань воев своих, но надлежит нам действовать сообща.

Так и порешили! А вскорости в стане русских войск появились послы татарские⁵ и передали такие слова:

– Мы пришли не на вас и у вас ничего не взяли, а пришли мы на конюхов наших – половцев. Почто вы идёте супротив нас? Знаем мы, что половцы вам много зла сотворили прежде, – у нас общий враг! А посему нам с вами не воевать надобно, а жить в мире и дружбе...

Князья русские стали совет держать и сошлись во мнении:

– Они хотят прельстить⁶ нас яко прежде половцев, дабы разбить поодиночке!

И тогда двое отроков⁷ Мстислава Киевского вышли из шатра и пронзили мечами татарских послов, – ещё пожалеет князь киевский об этом убийстве, но будет слишком поздно...

Вскоре русские князья двинули рати вниз по течению Днепра и направили гонца к бродникам⁸, радея о переправе на левый берег Днепра. Вскоре казачий атаман Плюскиня согласился провести русское войско через Протолчий брод, но днём ранее принял он татар, приходивших с великим посулом...

***

Однажды, завидев на левом берегу Днепра монгольские островерхие шапки, Мстислав Удалой с малой дружиной устремился вброд через реку. На берегу они наскочили на сторожевой отряд татар. Бой был краток, но кровопролитен. Тысяцкий Гонябек в том бою лишился коня и бежал на курган со своими воинами. Татары отстреливались, прячась за половецким истуканом, доколе их колчаны не оказались пустыми. Тогда русичи прорвались к кургану и порубили татар, но тела Гонябека среди павших врагов не нашли. Они уже сходили вниз, когда вдруг половцы, которые были в дружине Мстислава, заметили торчащую в песке камышовую трубку, – раскрыли хитрость, достали татарина из-под земли и отсекали ему саблею голову...

---

³ Хинови – кыпчаки или половцы, – кочевой народ азиатского происхождения (прим. авт.).

⁴ Котора – ссора, вражда (прим. авт.). Здесь и далее по тексту – старославянские слова: паче – более, обаче – однако, се – вот, сие – это, иже – который, сретение – встреча и др.

⁵ Послы были из числа покорённых монголами народов, живших и торговавших с Русью (прим. авт.).

⁶ Прельсть – обман, хитрость (прим. авт.).

⁷ Отроки – младшие князья дружинники (прим. авт.).

⁸ Бродники (бронники) – славянский народ, ведущий кочевой образ жизни (предтеча запорожских казаков). Главное селение бродников находилось на днепровском острове Хортица (прим. авт.).

Тем временем, русские князья пополнили запасы в поселении бродников на Хортице, и войско продолжило путь. Неожиданно передовой отряд татарский осыпал их градом стрел и отступил в степь, оставив овец своих. Русские князья со своими дружинами погнались за татарами. Но монгольские лошадки ускакали далеко в степь...

Неделю русские полки шли по следу, и однажды у реки Калки наткнулись на сторожей татарских. Враги опять отступили. Мстислав Галицкий повелел своему зятю Даниилу Романовичу перейти реку вброд с волынскими полками. А в дозор он послал половцев во главе с воеводой Яруном.

Вскоре русское воинство разделилось надвое: одни вслед за Мстиславом Галицким переправились на левый берег Калки, другие – остались на правом берегу реки. Мстислав Киевский разбил стан на высоком каменистом холме, и ратники обносили его частоколом. К началу битвы Мстислав Черниговский не успел переправить свои полки через Калку, его воины даже не были вооружены⁹.

Князь Даниил Романович, юноша осмнадцати лет отроду, со своими полками первым бросился на врага. Храбрец налетел на татарского всадника и проткнул его копьем. Однако неприятель успел ранить молодого князя в грудь. И тогда, не чувствуя боли, Даниил, – будущий король русский, – в ярости рубил татар саблею направо и налево.

Вскоре под напором дружины Даниловой передовой отряд неприятеля дрогнул и побежал. Половцы, вдохновленные мужеством русского князя, устремились на врагов, еще не ведая о том, что опытный охотник, военачальник Чингисхана багатур¹⁰Субэдэй заманил их в ловушку...

Внезапно татарская конница выдвинулась из засады и осыпала стрелами расстроенные ряды союзников. Монголы вклинились в половецкие полки, которые не выдержали натиска и бросились наутек... напрямик на русских, не успевших вооружиться. Ратники были сметены половецкой конницей. Мстислав Удалой бежал впереди своих полков. У Днепра его настиг... Даниил Романович, который был тяжело ранен, но мужественно держался в седле.

Монгольские всадники долго гнались за бегущими русскими войсками. Они опустошили киевские сёла и волости. Шесть князей и множество воевод были порублены татарами, – только десятая часть русской рати воротилась восвояси...

Мстислав Киевский, тем временем, стоял на каменистом холме за частоколом. Три дня сей град был осаждаем небольшим монгольским отрядом. К татарам вскоре примкнули бродники во главе с воеводой Плоскиней, – жаден был до наживы атаман и... ненавидел половцев. После трех дней осады он выехал вперед и крикнул в город¹¹ на холме:

– Князья русские, нам не нужны ваши жизни. Мы пропустим вас, коли соизволите выплатить дань. Обещаем, что ни одна капля княжеской крови не прольётся!

Плоскиня побожился и поцеловал свой наперсный крест. И тогда русские князья поверили ворам¹²-бродникам, открыли ворота и выехали за стены града. Татары тотчас перебили русскую дружину, схватили князей и ворвались в город. Семьдесят богатырей русских, – в их числе Александр Попович и Добрыня златой пояс из Рязани, – сложили головы в том бою...

---

⁹ Снаряжение воинов в те времена перевозилось на подводах (прим. авт.).

¹⁰ Отсюда пошло русское слово «богатырь» (прим. авт.).

¹¹ Город в Древней Руси – ограда, крепостная стена. Срубить град означало обнести его оградой из кольев – частоколом (прим. авт.).

¹² Ворами вплоть до 18 века называли всех преступников (прим. авт.).

К вечеру монгольские воины разожгли костры, достали из своих кожаных мешков сушёное мясо и фрукты. Вскоре привели связанных пленников. Мстислава Киевского и ещё двух князей бросили наземь, поверх них постелили тяжёлые доски, на которые уселись татарские военачальники со своими нукерами¹³. Они пировали, громко разговаривали на своём языке и смеялись...

Татары сдержали своё слово – ни одна капля крови не пролилась! Русские князья задохнулись под тяжестью дубовых досок. Это было начало конца старой Руси...

***

1237 год. Рязанское княжество.

Светало. Солнце поднималось над деревянными стенами града, крышами домов и маковой церкви. С неба падали снежные хлопья. Рано поутру дозорный на сторожевой башне завидел вдаль верховых. Звуками труб был поднят по тревоге спящий город. Вскоре на стену взобрался здешний воевода Добрыня Иванович с двумя сотниками. Кмети¹⁴ выстроились в ряд у ворот. Трое всадников в островерхих шапках и меховых тулупах на низкорослых лошадках подъехали к крепости.

«Это не половцы!», – подумал воевода и зычно крикнул со стены:

– Что вы за люди?

– Мы послы великого Бату-хана, – задрал голову кверху, на ломаном славянском наречии прокричал средний всадник. – Путь держим к вашему князю...

– Какого вы роду-племени?

– Монгольского, но нас кличут татарами.

При этих словах воевода невольно вздрогнул. Он и ранее слышал об этом народе – от одного болгарского купца. Тот долгое время торговал в Новгороде, а когда воротился в родной Биляр, нашёл город разорённым и сожжённым дотла. Посреди развалин дома своего этот человек обрёл обгоревшие останки: жена, дети малые, добро... Всё отнял злой татарин! Три дня купец оплакивал своих сродников, а затем ушёл на Русь, прослышав о землях, что жаловал беженцам из Булгарии князь Юрий.

«Это лазутчики татарские!», – рассудил про себя воевода и крикнул со стены:

– Мы не можем пропустить вас к стольному граду, коли не будет на то повеления князя нашего Юрия Игоревича. Сей же час пошлём гонца в Рязань, да как ответит князь, так и будет. До тех пор просим дорогих послов пожаловать к нам в гости.

Лязгнули засовы крепкие, закрипели ворота дубовые.

– Держите с ними ухо остро, – велел воевода своим людям.

Послы въехали в град, озираясь по сторонам, и спешили. Теперь Добрыня Иванович мог разглядеть татар воочию: глаза узкие, широко посажены, веки под самыми бровями, под маленьким плоским носом жидкие усики.

Кочевник сродни своей лошади. А татарин без коня всё равно, что птица без крыльев! Монгольская низкорослая лошадка несёт на себе невысокого хозяина, а иногда хозяйку... Внезапно румяный татарин привлёк внимание воеводы. «Не может быть, – изумился Добрыня Иванович, глядя на безусого посла. – Неужели баба? И впрямь!» Немного подумав, он пригласил незваных гостей разделить с ним трапезу.

---

¹³ Нукеры – дружинники (монг.).

¹⁴ Кмети – воины, дружинники (др-рус.).

Утро стояло погожее; солнышко залило ярким праздничным светом всю округу. Во дворах резвились дети, – повсюду слышались смешки и весёлые ребячьи голоса. Русоволосый голубоглазый отрок Ваня, сын воеводы, играл в это время в снежки, – при появлении татар на мгновение он замер на месте, с интересом взирая на гостей и на их лошадей. Добрая улыбка скользнула по устам монголки, которая встретила с ним взглядом...

Добрыня Иванович не ведал, что монгольские жёны были воинами наравне со своими мужьями. Их учили сидеть в седле и стрелять из тугих луков...

– Что же хочет Бату-хан от нашего князя? – осведомился воевода, когда холопка разливала вино гостям.

– Десятины во всё: в людях, конях, серебре и злате, – сообщил посол и не без гордости добавил. – Наш народ покорила Китай, Хорезм, Болгарию, кыпчаков и ясов с касогами. Днесь наш хан стоит у рубежей вашей земли с неисчислимым воинством. Покоритесь нам и вы спасётесь, нет – пеняйте на себя!

Воевода велел дьяку записать слова послов. Гонец с донесением поскакал к князю Юрию в стольный град Рязань...

К вечеру Ванюша захворал. Видать, утреннее веселье на дворе в студёную пору не прошло даром! Холопка, девица осьмнадцати лет отроду, прикладывала к горячему челу отрока смоченный ключевой водою убрусец¹⁵. Воевода заплакал от горя, – жена его померла при родах, а теперича он мог потерять и единственного сына своего.

Так, Добрыня Иванович сидел на скамье, потупившись, и вдруг услышал чьи-то шаги. Тогда воевода поднял глаза и встретился взглядом с той самой женщиной, что прибыла в составе татарского посольства. Появление этой монголки для него стало полной неожиданностью, как и ее слова:

– У меня есть снадобье, – позволь мне исцелить чадо твоё.

– Откуда тебе ведомо о его хвори? – удивился Добрыня Иванович, поднимаясь навстречу незваной гостье.

Та промолчала. Воевода пребывал в раздумье: «Могу ли я доверять иноземке? Сии люди пришли в нашу землю, дабы поработить нас! Но есть ли выход у меня?» После недолгих колебаний он провёл женщину в избу, где у печи в лихорадке и бреду лежал ребёнок.

– Тёплой воды, – кивнула иноземка девушке, которая с недоумением покосилась на неё.

– Делай, как велено тебе! – закричал воевода, и холопка покорно вышла из избы.

Потом монголка достала из заплечного кожаного мешка несколько кореньев и бросила их в принесённую чашу с водой.

– Пусть настоится, – время от времени сей отвар давайте пить ему, – сказала она и тотчас удалилась.

Вскоре воевода пошёл в церковь, где поклонился трижды до земли иконе Христа и молился так:

– Господи, спаси и сохрани дитя моё!

Наутро жар у ребёнка спал, а на другой день Ванюша был в полном здравии. В церкви по этому случаю отслужили благодарственный молебен. И тогда воевода призвал ту монголку и спросил у неё:

– Как мне отблагодарить тебя?

– Коли князь твой покорится хану нашему и не прольётся кровь невинная, сие будет величайшая награда для меня, – отвечала эта женщина.

---

¹⁵ Убрусец – полотенце (прим. авт.).

– Как свет стоит, не бывало ещё такого, чтобы Русь покорялась врагам! – вспыхнул воевода.

– Тогда вы обречены! – сказав это, женщина сверкнула своими карими глазами и – была такова.

«Се, чародейка!», – подумал воевода, провожая ее взглядом. Много лет спустя эта чародейка вновь придет на Русь, которая станет для нее новой Родиной.

***

1238 год. Северо-Восточная Русь.

Без малого пятнадцать лет минуло с години битвы на Калке. И вот враг стоял уж у ворот...

Полчища татарские подступали к стольному граду земли Владимирской. Князь Юрий Всеволодович предпринял попытку остановить их у Коломны, послав сына своего Всеволода с дружиной. Храбро сражались русичи, – в том бою пал татарский царевич Куль-хан. Но силы были не равны...

Бежали русские ратники с поля брани, а татары на пути к Владимиру взяли Москву, маленькую деревянную крепость, некогда построенную Юрием Долгоруким, и там в плен захватили Владимира, сына Юрия Всеволодовича. Сам великий князь, проведав о разгроме своих войск, убежал на север к реке Сить, – собирать новую рать. Победное шествие Батыево по земле Владимирской началось...

Владимир-на-Клязьме в 13 столетии соперничал по красоте и величию с «матерью городов русских» – стольным Киевом. Продовольствия в избытке, рвы глубокие, высокие стены и каменные башни, – город был готов к многомесячной осаде, но продержался всего несколько дней... Увы, сыновья великого князя Всеволод и Мстислав с воеводой Петром Ослядюковичем поддались страху...

– Это кара Господня за грехи наши! – проповедовал в храмах епископ Владимирский Митрофан.

Под защиту крепостных стен бежали посадские, крестьяне везли в город обозы со снедью.

Вскоре подошли к Владимиру вражеские полчища, – со стороны Золотых ворот. Конный отряд татар был послан в Суздаль. Городок они взяли с ходу, поднявшись на стены по приставным лестницам. Татарские всадники теперь гнали к Владимиру толпы пленных, захваченных в Суздале. Босые нагие грязные перепачканные в саже и крови люди в сильную стужу бежали, принимая удары плетей, дабы стать живым щитом¹⁶ и умереть за жестоких захватчиков...

Однажды два татарских всадника подъехали к Золотым воротам и крикнули:

– Не стреляйте!

Вдруг князь Всеволод и Мстислав увидели брата своего, пленённого в Москве. Князь Владимир со связанными за спиной руками стоял нагишом, дрожал от холода и ожидал своей участи.

– Узнаёте своего княжича? – насмешливо прокричал татарин. Он подъехал к пленнику и взмахнул саблей, – обезглавленное тело рухнуло на запорошённую снегом землю...

Многие горожане прослезились при виде этого зрелища. Князь Всеволод зарыдал и сказал воеводе Петру:

– Выйдем в чисто поле и умрём за веру нашу!

---

¹⁶ Монголы не любили брать крепости и потому гнали перед собой на приступ пленных, а также использовали их для натяжения веревок камней (таких пленных называли *хаишар* – толпа), – прим. авт.

– Княже, кто претерпит до конца, тот спасётся, – отвечал ему воевода словами из Священного Писания. – За грехи наши Господь послал нам дни окаянные!

Татары, не сумев выманить русичей из крепости, погнали пленных валить лес и обносить тыном город. Вскоре камни и снаряды полетели в стены и башни Владимира...

Надо сказать, у татар был большой пороховой запас. Китайцы научили их изготавливать зелье¹⁷ и делать бомбы, – в сосуд с узким горлышком сыпали пороховую смесь и поджигали фитиль; праща камнемёта посылала огненный снаряд на город, построенный из дерева...

Начался ад кромешный! Бомбы рвались, люди вспыхивали, словно факелы, занимались пожары. Всё смешалось, завертелось в огненном вихре: обуглившиеся тела, горящие дома, дым, восходящий к небу, крики и стоны несчастных, охваченных пламенем.

Тем временем, тын вырастал окрест города, – вскоре владимирцы оказались в западне...

Между тем, князя и воевода Пётр, вняв уговорам епископа, постриглись в иноческий чин. Они стали монахами, но вовсе не из желания служить Богу, а просто, испугавшись того, что происходит вокруг. Так, горожане остались без военачальников...

Воины падали со стен под ударом тяжёлых камней; наконец, не выдержав длительного обстрела, рухнула деревянная стена южнее Золотых ворот. На рассвете другого дня пленённые суздальцы забросали рвы брёвнами и досками, политыми водой, – татары хлынули во Владимир сквозь проёмы в стене...

Новый город пал до обеда, – люди, оставшиеся в живых, бежали в Средний город; княжеская семья и бояре укрылись под защитой каменных стен Успенского собора. Они, стоя на коленях, молились и причащались Святых Тайн. Когда татары ворвались в храм, владимирские вятские¹⁸ люди прятались на полатах¹⁹...

Разграбив город, татары рассеялись по округе. Смерть носилась на степных скакунах по земле русской! Вскоре один за другим пали четырнадцать городов... Зарева пожаров освещали тёмные зимние ночи. Опустели селения, выгорели дотла церкви и избы. Осиротела земля-матушка, испила она крови сыновей и дочерей своих вдоволь; не радовали её более весёлые крестьянские песни. Мёртвые тела устилали её поля и тропки. Настало раздолье для диких зверей! Вороны выклевывали глаза у мертвецов, волки грызлись за добычу...

В начале марта на реке Сить нападение темника Бурундая застало врасплох войско Юрия Всеволодовича, который даже не выставил сторожевых отрядов! И опять бежал великий князь, пока его не настиг татарский всадник. И тогда покатила голова некогда всемогущего властителя по заснеженной стезе...

Вскоре татары вторглись в Новгородскую землю и две седмицы стояли под Торжком, – с его взятием врата на Новгород отворились. Но началась весна, что сулила распутицей и бездорожьем, а монгольское воинство поистрепалось в боях на Востоке. Посему Батый не решился прорываться сквозь леса и болота на хорошо укрепленный многолюдный город и повернул вспять в Великую степь. И тогда началась любимая монгольская забава – облава...

---

¹⁷ Зелье – порох или снадобье (прим. авт.).

¹⁸ Вятские – знатные, лучшие (др-рус.).

¹⁹ Полаты (комары, хоры) – ярус под сводами храма. По одной из версий предназначались для знати, которая находилась там во время богослужений (прим. авт.).

Надо сказать, ещё великий Чингисхан учил, что только два занятия достойны мужчины – охота и война. Монголы свято чтили память своего вождя и беспрекословно следовали его мудрым указаниям²⁰: они охотились на войне и воевали на охоте.

Теперь татары рассеялись с запада на восток и двинулись на юг, как саранча, уничтожая всё на своём пути; по дорогам тянулись огромные обозы с добычей. Напоследок Батый решил ограбить Козельск – городок в Черниговском княжестве, рассчитывая взять его с ходу. Но не тут-то было!

Едва показались вдали передовые отряды татарской конницы, по граду пронёсся звон вечеревого колокола. Горожане высыпали на соборную площадь, дабы по старинному славянскому обычаю совет держать промеж собой. Посадник, став на помосте, зычно крикнул:

– Враг жестокий и беспощадный ныне у ворот нашего города! Князь Василий еще мал, – он не поведёт нас в бой, бояре и воевода бежали из Козельска. Как поступим мы, люди добрые? Сдадим город и станем рабами аль примем неравный бой и падём смертью храбрых?

Народ молчал. Но был на площади кузнец именем Микула сын Андреев. Тогда он вышел вперёд и воскликнул:

– Братья, люди русские, православные христиане, лучше смертью славу вечную добыть, нежели во власти поганых быть!

Народ, вдохновлённый словами кузнеца, единодушно закричал:

– Умрём за нашего князя, добудем славы на земле и венца на небе!

Микула, тем временем, воротился в кузницу и принялся за дело. Подмастерья раздували мехами огонь в печи. День и ночь стучал молот о наковальню. Кузнец работал без передышки, чтобы вооружить градских мужей...

Вскоре татары пошли на первый приступ с осадными лестницами. И полетели на них с забрал стрелы калёные, и посыпались камни тяжёлые, и полилась смола кипящая... Вскоре отхлынули враги от стен города. Батый был немало удивлён постигшей его воинов неудаче, а осадных машин в его туменах не было...

День за днём татары подступали к граду; иной раз взбирались наверх по лестницам. Казалось, вот-вот и Козельск падет. Но храбрым русичам было нечего терять: они бились, не щадя ни врага, ни себя! Летели вниз татарские головы, снесённые острыми мечами кузнеца Микулы, падали татары с городских стен, разбивались насмерть о камни и землю. Всякий раз враги отходили к своему стану с большими потерями...

Батый бесился в отчаянной злобе, посылал гонцов к темникам своим за подмогою. Но кочевые орды были так заняты грабежами, что подошли к своему хану только два месяца спустя.

Вместе с подкреплением появились стенобитные машины, и тогда на городок посыпались тяжёлые камни. Потребовалась неделя на разрушение стен Козельска, – в узкие проломы тотчас хлынули татарские полчища. Однако защитники города, вооружённые ножами, резали их в теснине. Вскоре горы из трупов выросли на валу, – горожане перетаскивали мёртвые тела и закрывали ими проломы в стенах. Увидев это, татары были поражены, – они испугались и снова отошли от города. Тогда Батый рассвирепел и приказал казнить по десятку в каждой сотне. А вскоре горожане на общем сборе решили сделать вылазку на стан татарский...

Под покровом ночи русичи вышли из города. А татары не удосужились выставить дозоры окрест стана своего. Первым делом Микула с братией посекали камнемёты татарские, после чего

---

²⁰ Яса Чингисхана – свод правил и мудрых изречений, одобренный на курултае (прим. авт.).

врывались они в шатры и резали знатных татар. Некий монгольский начальник за мгновение до смерти успел вскричать зычным голосом.

Поднялась тревога. Враги проснулись и бросились на козельцев с саблями наголо. Микула сражался в первых рядах, махая мечом своим, и довелось ему сойтись в поединке с сыном монгольского хана. Русич отрубил руку чингисида²¹, а вскоре отсёк и голову ему. Кровь лилась ручьями...

Бесстрашно сражались русичи, добывая себе славу на земле и венец вечного Царства на небе!

Батый спал в своем шатре, – его разбудили известием, что русы проникли в стан и убили сыновей темников. И тогда хан велел бросить на козельцев своих багатуров. Вскоре русичей окружила татарская конница. На копья был поднят храбрый кузнец Микула Андреев сын.

– Господи, прими мою душу! – воскликнул он, обратив взор к небу и испуская дух.

В тот час смерть приняли все доблестные сыны Козельска...

Беззащитный городок был обречён на уничтожение. Татары избили всех его жителей. Младенцев копьями кидали в костры. Пылали церкви, боярские дома, избы посадов... Туча огненных стрел устремилась на княжий терем, в котором находился отрок Василий, – он задохнулся от дыма в горящем дворце...

Все горожане испили единую чашу смертную! Монгольские шаманы прокляли сие место, а Батый назвал Козельск «злым градом»...

Вскоре татары ушли в земли половцев. Но они ещё не раз вернуться... В огне пожарищ погибнет стольный Киев, будет стёрт с лица земли Галич, под натиском кочевых полчищ падут многие великие русские грады. Русь, страна городов²², останется в прошлом, но слава её переживёт столетия!

Спустя несколько лет, воротившись из похода в Европу, Батый в низовьях Волги поставит город Сарай²³ и сделает его столицей своего улуса²⁴. Князья русские станут ходить к ордынскому хану с большими дарами за ярлыком, – грамотой на княжение в собственных землях. На Русь явятся баскаки с вооружёнными отрядами, которые проведут унижительную перепись населения, – всех русских крестьян исчислят, и возляжет на их многострадальные плечи самое тяжкое бремя татарского владычества – дань²⁵. И пойдут юноши русские на службу к монгольскому императору в Пекин...

***

В году 1327 от Рождества Христова пришёл в Тверь татарский посол именем Чол-хан, братанич²⁶ хана Узбека, и по-хозяйски объявил князю Александру Михайловичу:

– Соберёшь дани и тамги по запросу нашему. И покинь немедля дворец сей: он достоин величия посла хана Узбека!

Князь Александр снёс унижение и поселился со всей семьёй у ближнего боярина Алексея Михайловича. Тем временем, нукеры Чол-хана рассыпались по городу в поисках лёгкой

---

²¹ Чингисид – потомок Чингис-хана (прим. авт.).

²² Гардарика (страна городов) – так называли Русь скандинавы (прим. авт.).

²³ Сарай – с монг. – дворец (прим. авт.).

²⁴ Наименование «Золотая орда» появится много позже – в 16 веке, когда уже не будет этой страны. Улус Джучи (по имени отца Батые) – так именовалось государство, основанное Батыем (прим. авт.).

²⁵ Дань – десятина, полрубля с деревни (сохи) – прим. авт.

²⁶ Братанич – племянник (прим. авт.).

наживы. Они входили в дома лучших людей, открывали сундуки, избивали слуг, насиловали жён и девиц. Появились татары и на тверском торгу.

– Урус, давай тамгу, – говорили они купцам, потрясая саблями²⁷. Вскоре купеческая братчина Твери отправила своих поверенных на двор боярина Алексея Михайловича. Тверичи бросились к ногам своего князя и молили его:

– Заступи пред татарским послом!

– Господь терпел и нам велел! – молвил им в ответ князь. – Кто претерпит до конца – тот спасётся²⁸.

Тверичи ушли ни с чем, а татары продолжали бесчинствовать.

Много зла сотворили Чол-хан и его люди в Твери: горожане отдавали добро своё, затаив в сердце злобу великую. А, тем временем, по городу пронёсся слух, будто татары хотят погубить самого князя и обратить народ православный в магометанскую веру²⁹. И вскоре пришёл тот день, когда чаша терпения переполнилась...

15 августа на праздник Успения некий диакон по прозвищу Дудко повёл поить свою кобылицу на Волгу. И тогда двое татар из дружины Чол-хана выхватили из рук диакона поводья и потащили лошадь за собою. Диакон завопил:

– Грабят средь бела дня! Люди православные, помогите Христа ради...

Тверичи, бывшие на торгу, сбежались на зов. Зазвонил в набат колокол на вечерней площади. Татары отмахивались от напасти, но горожане отняли у них сабли и невзначай зарезали их...

Тем временем, со всех концов города стекался народ на площадь.

– Татары грабят, насильничают, избивают нас, – кричал именитый купец Данило. – Братцы, не будем же молчать и ждать, покуда нехристи князя нашего с княгиней убьют, а нас обратят в магометанскую веру. Смерть врагам всех православных христиан!

– Смерть, – дружно подхватил народ, – смерть!

Толпа пошла громить дворы татарских купцов. Тверичи с ножами в руках врывались в дома иноземцев и резали всех, кто попадался им на пути, не жалея ни женщин, ни детей. Когда горожане подступили к великокняжескому дворцу, где находился татарский посол, нукеры Чол-хана преградили им путь. В тверичей полетели стрелы. Началась злая сеча...

Между тем, в покои князя Александра вбежал боярин Алексей Михайлович:

– Княже, народ взбунтовался! Татарских купцов избивают. Настало время нашего мщения...

Князь Тверской тяжело призадумался. Он люто ненавидел татар, которые убили его отца и брата, но знал, что за бунт против ханского посла придётся дорого заплатить... В конце концов, сердечная боль взяла верх над голосом разума.

– Я не могу оставаться в стороне, покуда мой народ кровь проливает, – твёрдо промолвил князь. – Созвать дружину мою!

Князьи мужи седлали коней и съезжались на двор боярина Алексея Михайловича.

– Братья, – воскликнул князь, восседая на белом жеребце, – други мои, пришло время пролить нам кровь за землю русскую, за веру православную!

---

²⁷ К тому времени ордынский выход (дань, тамга, ям, поплужное) собирал великий князь Владимирский (прим. авт.).

²⁸ Князь Александр Михайлович Тверской разделит судьбу отца своего, погибшего в Орде, и будет канонизирован РПЦ в 16 веке (прим. авт.).

²⁹ Ислам стал государственной религией в улусе Джучи (Золотой Орде) при хане Узбеке (прим. авт.).

И тогда дружина с ликованием устремилась к княжескому терему, где шёл бой, и уже немало тверичей пало под натиском вражеским. При появлении княжеской дружины татары дрогнули и отступили под защиту дворцовых стен.

– Братцы, жги нехристей! – кричал опьянённый злобою народ. Появились люди с горящими факелами в руках, – они подожгли дворец. Брёвна тотчас занялись. Огонь пополз по кровле. Из окон повалил густой дым. Татары, охваченные пламенем, выбегали из сеней и под градом стрел за смерть падали наземь.

Вскоре дворец скрылся в огненной завесе. Люди заворожено глядели на пожар, не понимая, что сие есть грозное предзнаменование грядущего...

Между тем, слуги Чол-хана пасли за городом табуны, но, прослышав о мятеже, они тотчас оседлали коней и поскакали в Сарай, – их путь пролегал через Москву, где они остановились на постоялом дворе. Хозяин той гостиницы поспешил к своему покровителю – княжескому мужу боярину Родиону Несторовичу.

Так, весть о тверском бунте дошла до слуха московского князя. Иван Данилович тотчас смекнул, что надобно делать. Он написал новую духовную грамоту³⁰, собрал ближнюю дружину свою и поехал в кочевую ставку хана...

Вскоре русский князь на коленях вступил в златоверхую вежу и пал ниц пред ханом Узбеком:

– О, восточный вольный великий царь, выслушай раба твоего и улусника! Посаженик и присяженик твой князь Александр Тверской восстал на тебя. Он убил братанича и посла твоего Чол-хана...

– Встань, князь, – благосклонно промолвил хан Узбек, – ведомо нам о мятеже сем. Докажи нам свою верность. Мы дадим тебе пять туменов. Привези нам голову князя Александра!

– Слушаюсь, великий хан, – проговорил русский князь со смиренным видом.

И тогда Иван Данилович повёл на Тверь карательную татарскую рать. С наступлением темноты остановились на ночлег, поставили вежи и развели костры. Крещёный татарин темник Федорчук зашёл в шатёр русского князя и с вызовом спросил у него:

– Скажи, мне, князь, как христианин христианину – каково быть предателем родной земли?

Иван Данилович подумал, что татарин испытывает его, и мрачно отвечал:

– Тверь – не моя земля!

– Но там живут православные христиане, – возразил Федорчук. – А ныне ты идёшь на своих братьев с огнём и мечом...

– Я служу великому хану верой и правдой, – отозвался Иван Данилович. – Великий хан волен казнить и миловать. Я исполняю его приказ аки карающая десница!

Татарин криво усмехнулся:

– Помню я, как десять лет назад брат твой старший Юрий Данилович по своей воле расправился с тверским князем Михаилом, – я воочию видел его обнажённое изуродованное тело возле кибитки лежащее. Любите вы, русы, убивать друг друга. Око за око! Но кровь порождает кровь. Старший брат твой мёртв, казнён и его убийца, а ты до сих пор не можешь простить тверичей...

Федорчук ушёл, а Иван Данилович предался размышлениям: «Слаба Русь, не окрепла, не набрала ещё силы. Но настанет время, и покоритесь вы нам, поганые!». Он вспоминал слова

---

³⁰ Духовная грамота – завещание. Иван Калита перед каждым своим походом в Орду писал завещание, памятуя о том, что случилось в ханской ставке с его братом и тверскими князьями (прим. авт.).

митрополита Петра: «Ты прославишься паче иных князей, и сыновья и внуки твои, а град твой Москва превзойдёт славою все города русские, и повержены будут враги его. Но, увы, князь земли русской погрязли в междоусобицах, а враги наши радуются. Доколе не соединимся вкупе, не одолеем татар. Сорок лет тишины, княже, и мы накопим силы, дабы в едином порыве сбросить с себя владычество иноземное».

– Сорок лет тишины, – прошептал Иван Данилович, – сорок лет тишины надобно добыть любой ценой!

Вскоре татарские, московские и суздальские полчища хлынули в пределы тверские. Запылали сёла и города земли русской...

Тысячи связанных общию вервью пленников, полунагих и грязных, испачканных в пыли, пропахших дымом пожарищ и кровью своих сродников, бежали по степным просторам, а татарские всадники беспощадно гнали их плетями в рабство, которое начиналось на невольничьих рынках Кафы³¹, где пленников продавали фряжам, генуэзским купцам. Славянские молодцы были обречены на тяжкий изнурительный труд гребцов на галерах; прекрасных голубоглазых славянских девушек погружали на корабли и везли в Италию, где их перепродавали, и они становились служанками при дворах грязной европейской знати: герцогов, графов и баронов, не ведающих, что такое баня и чистота³².

Такова была цена мира! Но не думал великий князь Иван Данилович Калита о страданиях чёрных людей³³. К тому же, Тверь не была его вотчиной. Увы, обывательское мировоззрение времён междоусобиц всё ещё владело умами князей русских...

***

1328 год от Рождества Христова.

С тех пор как Иван Данилович стал тестем юного ростовского князя, много перемен терпела жизнь боярина Кирилла и его семьи.

Однажды из Москвы в Ростов явился княжий наместник воевода Василий по прозвищу Кочева, который стал железной рукой наводить свои порядки в городе. Прежнего посадника, престарелого боярина Аверкия, Мина, дружинник Кочевы, задушил и повесил за ноги на собственных воротах. Вскоре дошла очередь и до бояр ростовских, склонных к своеволию, – Мина пришёл в хоромы боярина Кирилла и, сотворив крестное знамение на божницу, промолвил:

– Здрав будь, боярин!

Кирилл поднялся навстречу незваному гостю и отвесил ему поклон:

– Здравствуй, Мина. С чем пожаловал?

– Хочу я с тобой рядиться³⁴, боярин, – зловеще усмехнулся Мина.

– О чём же? – осведомился боярин Кирилл.

– Старый князь Василий щедро жаловал тебя землями. Ты их уступишь мне...

Боярин Кирилл густо побагровел от гнева:

– И не подумаю. Сие земли моих сыновей!

– Ты не уразумел меня, – мрачно отозвался Мина. – Ты мне их отдашь даром, коли не хочешь, дабы тебя постигла судьба Аверкия! На днях я ворочусь со свидетелями и священником, – будь готов, боярин.

---

³¹ Кафа (Феодосия) – город в Крыму (прим. авт.).

³² Татарские набеги случались так часто, и русских невольников было столь много, что в Европе «славянин» стал синонимом раба. Вспомним английское слово slave – раб (прим. авт.).

³³ Чёрные люди – те, которые платили дань и отбывали повинности (прим. авт.).

³⁴ От слова «ряд» – договор (прим. авт.).

После ухода Мины боярин Кирилл долго не мог опомниться, опустился на лавку и дал волю слезам.

– Где ж справедливость?! – воскликнул он. – Грабят безбожные татары, грабят и православные христиане! Будет ли сему предел?

Спустя месяц, подписав дарственную грамоту, боярин Кирилл воротился в родовое селение, что лежало в четырёх верстах от Ростова, и с горечью рассказал жене о беде:

– Житья нет в сей земле, Маша. Слаб князь наш, – от того и все беды! Днесь в Москву пойду на службу проситься. Ростовская земля меня вскормила, вспоила, да, видать, на старости лет приходится оставлять её...

В Москве боярин Кирилл подал челобитную князю Ивану Даниловичу и остановился на постоялом дворе. Прошла седмица. И тогда дьяк объявил князю милость: «Коли твоё желание обосноваться в нашем княжестве твёрдо, будет тебе даровано имение в селе Радонеж, что недалече от стольного града Москвы, но с условием, что сын твой старший станет служить нам».

Боярин Кирилл воротился домой и порадовал жену доброю вестью. Позвали сыновей. Старший Стефан и младший Пётр вскоре пришли, а среднего Варфоломея долго не могли сыскать...

Однажды посылал отец Варфоломея за пропавшими жеребцами в поле, но отрок вернулся оттуда со старцем-иноком. Благочестивые странноприимные родители пригласили черноризца разделить с ними трапезу.

– Прежде надобно вкусить духовной пищи, – промолвил старец и велел Варфоломею проводить его в моленную.

– Читай, отроче, псалмы Давидовы, – старец подал Варфоломею псалтирь, но отрок испугался, не разумея грамоты книжной. Младший брат его умел читать, он же, как ни старался, не мог постичь сей премудрости.

– Верь всей душой твоей и всем сердцем твоим да не будет в тебе сомнения в воле Божией! – промолвил старец. Эти слова вдохновили Варфоломея, – он взял в руки книгу, осенил себя крестным знаменем и... стал читать громко и внятно. То, что прежде казалось ему тяжким и непонятным, вмиг озарилось ярким и добрым светом.

Боярин Кирилл порадовался за сына своего и вознёс Богу благодарственную молитву. А боярыня Мария после трапезы обратилась к старцу:

– Отче, вижу, ты благоволишь к сыну нашему, и мудрость Божья на тебе почиет. Может, ты объяснишь, что приключилось со мной однажды. В те времена я носила Варфоломея под сердцем своим. И вот пришла в воскресный день в церковь на обедню и осталась по обычаю в притворе, как заведено у нас... Се, пропели Трисвятую песнь, и вдруг младенец в чреве моём вскричал. Начали петь Херувимскую песнь, и младенец воскликнул вдругорядь. А когда батюшка провозгласил: «Вонмем! Святыя Святым!» – младенец вскрикнул в третий раз. Отче, скажи, что может значить сие знамение?

– Сын ваш станет обителью Пресвятой Троицы и многих приведёт к уразумению Божественных заповедей, – загадочно отвечал старец. Боярин Кирилл и его жена Мария не поняли его слов, но не стали более спрашивать. Они проводили старца до ворот, а там глядь: его и след простыл...

Теперь боярин Кирилл вспомнил, где Варфоломей повстречал старца-черноризца, и сказал слуге:

– Ступай на поле к старому дубу.

И он не ошибся – отрок Варфоломей стоял под деревом и возносил молитву Богу...

Когда, наконец, все собрались, боярин Кирилл обратился к сыновьям своим:

– Дети мои! Вскорости предстоит нам дальний и опасный путь. Будет у нас новый дом. Увы, не ведомо мне, как примет нас московская земля.

– Господь не оставит нас без милости Своей, – промолвил отрок Варфоломей и от смущения опустил очи долу.

– Я верю в сие, сын мой, – улыбнулся боярин Кирилл. И тогда он поведал Стефану об условии, что поставил московский князь.

– Я весь в твоей воле, отче, – смиренно отвечал юноша.

На сани погрузили добро, нажитое боярином Кириллом на верной службе ростовским князьям, и тронулись в путь. В студёную пору довелось отправиться в московскую сторону, а дорога пролегла через глухие места. Боярин Кирилл с малой дружиной ехал верхом, а в санях, укутавшись в тёплые меховые кожухи, сидели его сыновья с матерью своей.

На рубеже Ростовского и Московского княжеств подстерегала их смертельная опасность. Лихие люди... выбежали из леса и бросились с топорами наперерез. Тогда боярин Кирилл выхватил из ножен меч, отсек руку подступившему разбойнику и пригнулся: пущенный топор пролетел над его головой и исчез в снегу. Дружинников лихие люди стаскивали с лошадей и били дубинами.

Боярин, пав с коня, пронзённого копьём, отбивался от противников, обступивших его со всех сторон, и уже прощался с жизнью... Но вдруг враг, который занёс руку над его головой, рухнул наземь, а в шее его торчала стрела. Второй разбойник пытался ударить, но был настигнут стрелой, поразившей его прямо в сердце. Остальные лихие люди скрылись в лесу...

Боярин Кирилл обернулся и увидел сына своего Стефана с луком в руках. Отрок Варфоломей подошёл к мёртвым телам и с грустью проговорил:

– Господи, прости их, грешных!

Боярин Кирилл, меж тем, сказал Стефану:

– Молодец, сын, ты настоящий воин, я горжусь тобой!

Москва... В 1328 году от Рождества Христова этот город был крохотной деревянной крепостью. Успенский собор – единственное каменное строение в нём, возведённое с благословения митрополита Петра, который заложил в стене храма гробницу, где и был похоронен. Вскоре разнеслись по Руси слухи о чудесах исцеления, происходящих у гроба митрополита Петра, и отныне православные люди стекались отовсюду в город, дабы приложиться к мощам первосвятителя...

Так, Москва стала церковной столицей Руси. А в те далёкие беспокойные времена это значило немало!

Тем временем, боярин Кирилл, оставив семью в посаде на постоялом дворе, явился в Кремль. Он перекрестился на белокаменный Успенский собор, вошёл в дворцовые сени и велел слуге доложить о нём князю. Иван Данилович вскоре принял его. Тогда боярин Кирилл почтительно поклонился и промолвил:

– Приветствую тебя, княже.

– Здравствуй, боярин, – говорил Иван Данилович с покровительственной улыбкой на губах. – Рад видеть тебя в московской стороне. Слово своё княжеское я держу – в Радонеже у тебя будет дом и земля! Коли постарайся, найдёшь себе и работников. Волостелем там ныне Терентий Ртища, добрый муж, – к нему обращайся, коли будет нужда в чём. А сына твоего старшего, ты уж не обессудь, я возьму к себе на службу. Людей у меня мало... Что ж, в пути не было происшествий?

– Княже, напали на нас лихие люди на севере твоих владений... Насилу отбились мы от них! – с горечью вспоминал боярин Кирилл.

– Ведомо мне, – нахмурился Иван Данилович, – что места те беспокойные! Посылал туда воевод с дружинами, приводили они воров-разбойников, судили мы их по Правде... Да, видать, не всех выловили! Как же вы отбились?

– Сын мой старший Стефан стрелял в них из лука, – не без гордости промолвил боярин Кирилл.

– Видать, славный воин, – одобрительно кивнул Иван Данилович, – мне таковые надобны! Что ж, порядили мы с тобой, боярин?

– Порядили, княже, – улыбнулся боярин Кирилл. Хотел он поведать Ивану Даниловичу, что творят наместники московские в его родном Ростове, и... передумал.

Между тем, волостель Терентий Ртища позаботился о доме для боярина Кирилла и его семьи. По древнему обычаю всем селом рубили избу и ставили печь.

– Милости просим, боярин, – говорил Терентий, встречая Кирилла, – покамест не хоромы, но жить можно. Перезимуете, а летом поставите клеть, сени, баню, амбары, обзаведётесь хозяйством. Люди у нас добрые, помогут, коли что понадобится!

– И дрова нарублены, – улыбнулась боярыня Мария, заходя в избу. – Оказывается, гостеприимна земля московская...

– Да. Зело! – усмехнулся боярин Кирилл, вспоминая путь из Ростова.

***

Не заметил боярин Кирилл, как прожил жизнь свою. Кажется, будто еще вчера первенец его Стефан родился. Вот, принимает он младенца из рук бабки-повитухи, кладёт в колыбельку и восклицает: «Сын мой!» А меж тем Стефан уж поступил на службу к московскому князю, женился, живёт в городе, у него появились свои дети. Седина осеребрила главу боярина Кирилла, морщины покрыли лицо и руки его, а силы уже не те, что прежде. Слабеет воевода день ото дня, – всё труднее вставать ему с печи – усталость валит с ног.

– Ох, – сокрушается он, – что оставлю я после себя детям своим? Прежде были сёла и веси в отчине, ныне – почти ничего...

Отрок Варфоломей жил с родителями, дабы скрасить дни их старости, и лелеял мечты об уединении...

В былые времена у боярина Кирилла трудились крестьяне, пришедшие из тверской земли в поисках лучшей доли. Тогда Терентий Ртища, исполняя княжью волю, объявил о льготах в селе Радонеже для пришельцев, и – народ повалил в необжитые глухие края.

Первые пять лет крестьяне были освобождены от податей княжеских, а платили только оброк хозяину земли. Боярин Кирилл исправно получал жито от своих крестьян, а в Москве его зерно продавал знакомый купец. Семья боярская ни в чём нужды не имела. Но лишь прошёл льготный срок, как крестьяне испытали на своих плечах всю тяжесть княжеской руки. Даньщики стали требовать уплаты сугубой³⁵ подати. А в тот год засуха была, – жито не уродилось. Крестьянам же надобно было и семьи кормить, и подати платить. А чем?

– Коли отдадим последнее, умрём зимой голодною смертью! – говорил на сходе староста. – Братцы, что ж делать будем?

– Идём к Терентию Ртище, – крикнули в толпе. – Он мужик хороший. Он ведает наши нужды!

---

³⁵ Сугубый – двойной (прим. авт.).

Крестьяне двинулись ко двору волостеля. Ртища, завидев толпу, испугался, вскочил на коня и бежал напрямик в Москву. Он пал в ноги князю и молвил такие слова:

– Крестьяне в селе Радонеж подняли мятеж. Не желают они платить дани и подати!

Услышав это, Иван Калита осерчал и послал в Радонеж воеводу с дружиной, дабы водворить порядок на своей земле.

Тем временем, со двора Ртища крестьяне отправились в поисках правды к даньщику, который вышел к людям с саблею наголо и под охраной княжьих мужей.

– Невмоготу такие поборы, – голосил народ. – Ты должен понимать, какой нынче год. Чай, неурожай!

Между тем, сельский староста взошёл на крыльцо. Даньщик огрел его саблей плашмя. Тотчас пронёсся крик:

– Братья, наших бьют! – и началась драка. А под вечер в село вошли княжьи дружинники. Воевода приказал сечь всех без разбору...

Боярин Кирилл и его семья не пострадали, но юный Варфоломей опечалился, узнав о гибели людей, и сказал отцу:

– Батюшка, сил моих нет более терпеть жизнь в миру! Тебе ведомы желания сердца моего. Отпусти меня...

– Помедли, чадо, – возражал боярин Кирилл, – мы стали стары и немощны. Послужить нам некому, кроме тебя. Се, проводи нас в могилу, тогда уже никто не возбранит тебе исполнить твоё заветное желание.

Село Радонеж опустело: крестьяне разбежались, кто куда, или пали под саблями княжьих дружинников. Теперь, дабы прокормить отца с матерью, больных и немощных, Варфоломей сам возделывал землю, сеял и собирал урожай. В те лета он научился многому из того, что ещё пригодится ему в нелёгкой доле пустытника...

Шло время. Спустя десять лет после переезда в Радонеж боярин Кирилл почувствовал приближение скорой смерти и сказал жене:

– Недолго мне осталось жить на белом свете. Надобно закончить дни земные по обычаю русскому, отойдя от мирских забот. Пойдём с тобой в Покровский монастырь³⁶ и примем ангельский образ, дабы предстать пред Господом как подобает!

Тогда Кирилл призвал сына и сказал ему:

– За хозяйством нужен глаз да глаз! Нельзя оставлять тебе дома своего. Потерпи ещё немного.

Варфоломей остался за хозяина в селе Радонеж, а родители его постриглись в иноческий чин, облачились в монашеские ризы и приняли на себя обеты³⁷. Год спустя батюшка Варфоломея преставился с миром, вскоре сподобилась Царства Небесного и матушка его...

После сорокового дня Варфоломей отправился в Радонеж, где передал хозяйство брату меньшему Петру, а после, уладив все мирские дела, вернулся в Покровский монастырь и уговорил брата своего Стефана, который после похорон жены своей постригся в монахи, стать его духовным наставником, дабы вместе вести уединённую жизнь в пустыне...

Пройдет время. Они вдвоём заложат основы Троицкой обители, но Стефан не выдержит жизни в лесной чаще и уйдёт в Москву в Богоявленский монастырь, где встретит будущего митрополита Киевского и всея Руси Алексия...

---

³⁶ В том монастыре было два отделения: для старцев и стариц (прим. авт.).

³⁷ Монашеские обеты: безбрачие, послушание, нестяжание и постоянная молитва (прим. авт.).

Глава вторая. Чёрная смерть

*И я взглянул, и вот, конь бледный,
и на нём всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним;
и дана ему власть над четвёртой частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором
и зверями земными.*

Откровение Иоанна Богослова 6:7-8

1330 годы.

Во все времена племена монголов жили в согласии с матушкой-природой. Они кочевали по степям с многочисленными табунами, стадами овец, волов, охотились на пушного зверька – тарбагана, вкушали кобылье молоко – кумыс и молились высокому синему небу – Тенгре. Более того, что требовалось для жизни, они не брали у природы. Но в недрах земли монгольской на протяжении столетий таилось зло, которому однажды суждено было вырваться наружу.

В начале 14 века на степи, по которым кочевали монголы, надвигалась пустыня... Сурки-тарбаганы расселились вблизи жилищ людей, прорыли глубокие норки, где переносили суровую зимнюю стужу, впадая в спячку. По весне тарбаганы выходили из своих убежищ. В тот год в степях их появилось столь много, что монголы, прирождённые охотники, не могли удержаться от соблазна. Стрелы летели в необычайно вялых зверьков. «Славная добыча!», – говаривали монгольские пастухи, снимая ценную шкурку. А на другой день в тех местах, где пролилась кровь тарбаганов, паслось стадо верблюдов...

Кстати говоря, кочевник доит верблюдицу так: верблюжонок пьёт, а что осталось – забирает человек. Верблюжье молоко обладает многочисленными лечебными и питательными свойствами, – об этом знал врач-араб, который служил при дворе китайского императора. Вскоре из Пекина в степь прибыли слуги великого хана за сладким снадобьем, которым славились те края. Так, лечебное молоко оказалось на императорской кухне...

Тем временем, охотники, которые ловили тарбаганов, стали помирать... один за другим. Жар сменялся ознобом, и человек угасал за несколько дней. На телах умерших находили странные опухоли, гнойные язвы и чёрные пятна...

Монгольские шаманы били в бубны, взывая о помощи к духам, но те хранили тягостное молчание. Начался падеж скота. Кочевники снимали кожу с животных – не пропадать же добру! Полевые мыши бежали в селения, неся с собою смерть. Вскоре улицы городов заполнились трупами грызунов. А потом чума перекинулась на приграничный Китай...

В Пекине, между тем, умер придворный повар, а великого хана разбила лихорадка, – он слёг и более не поднимался с постели. На теле его во многих местах выступили огромные опухоли, кожа потемнела, у него появились чёрные круги под глазами. Китайский правитель бредил во сне, а, приходя в сознание, ругал своих подчинённых, прерываясь на жуткий кашель:

– Вы... разгневали богов. Вы поплатитесь за это! Велю всех казнить...

Несколько придворных были убиты, но остальные умерли своей смертью, сиречь... чёрной смертью. Дни императора были сочтены. Из кожи на лице его вытекала тёмно-бурая жидкость. Врач-араб бежал из зачумлённого дворца, но... умер по пути в Багдад. Перед смертью великий хан слабым голосом позвал сыновей и объявил им свою последнюю волю... Вскоре вслед за ханскими детьми и китайскими сановниками заболели их слуги...

Город наводнило великое множество чёрных крыс, – они бегали по улицам и площадям, селились в домах. По стране разносились слухи о таинственной болезни, выкосившей целые

селения и города. Люди в страхе бежали, куда глаза глядят. Караваны тянулись на Запад в Константинополь по длинному Шёлковому пути. Посреди пустыни падали верблюды, а люди, чувствуя подступающую слабость, таились от окружающих, – из опасения за свою жизнь: их могли убить или изгнать, обрекая на гибель. Так, начиналось мрачное шествие чёрной смерти по Земле...

Крохотный организм, – паразит, который вызывает в людях чувство брезгливости, – дабы полакомиться кровью, находил всё новых и новых хозяев: тот, кто останавливался на ночлег в караван-сараях, наутро просыпался разбитым, со жгучей болью по всему телу. В пути, молча, день за днём несчастный переносил страдания. Но жар переходил в озноб, кровь проступала на лице и вырывалась наружу с кашлем...

До Европы чёрная смерть добиралась больше пятнадцати лет. А сначала она поразила Среднюю Азию и улус Джучи...

1346 год. Сарай Аль-Джедид (Новый Сарай).

Всё началось в купеческом конце города. Высокие стены не спасли торговцев! Купец из Хорезма принёс в себе заразу, – он обнял после долгой разлуки жену и сильно закашлялся, брызгая кровью. Вскоре заболели его дети и слуги.

Нередко наступала почти мгновенная смерть, когда жизнь угасает за считанные часы...

Отныне чума летела по воздуху и поражала всё на своём пути! Правверные мусульмане, созываемые муэдзином, совершали пятикратный намаз в мечетях, а дома их настигала мучительная кончина. Смерть кочевала из жилища в жилище, проникала в степные ставки и юрты. Добралась она до стана хана Джанибека, который в те дни осаждал генуэзскую Кафу. Вместе с продовольствием из Азака³⁸ на монгольские корабли пришла чума... Джанибек, который слышал о море в столице, испугался и приказал избавиться от мёртвых тел:

– Пусть на головы неверных падёт кара с небес!

И тогда камнемётами в Кафу были брошены трупы поражённых чумой людей. Блохи, притаившиеся в одежде мертвецов, вскоре нашли новых хозяев в генуэзском городе: ими стали бродячие животные. Псы, нередко страдавшие бешенством, кидались на прохожих. Через укусы в кровь людей попадал болезнетворный микроорганизм...

Не прошло и недели, как Кафу охватила паника. Запах смерти витал над городом. Ни одного дома беда не обошла стороной! Люди в страхе бежали, куда глаза глядят, разнося заразу по Крыму.

Тем временем, хан Джанибек снял осаду. И тогда генуэзцы, погрузив мешки с пряностями на галеры, поспешно отплыли на Родину – в Италию, а по пути остановились в Галате, предместье Константинополя. Вскоре в этот город пришла чума в самом жутком облике...

Тринадцатилетний Андроник, сын ромейского императора Иоанна Кантакузина, заболел лихорадкой. Отрока Андроника поили настоем корня имбиря, который царские слуги купили на рынке в Галате. В тот же день без всяких признаков болезни он скончался... Та же участь постигла половину жителей огромного города.

Спустя восемь столетий, впервые со времен Юстиниана, чума воротилась в Новый Рим...

1347 год. Италия.

После долгого плаванья генуэзские галеры вошли в порт Мессины. Моряки ступили на сицилийский берег и направились в публичные дома, чтобы скоротать вечер в объятиях любвеобильных куртизанок. Итальянец Гвидо брёл по узкой кривой городской улочке в знакомый квартал. Вдруг сверху донёсся зычный женский голос: «Поберегись!» Из окна, в котором

---

³⁸ Азак – нынешний Азов (прим. авт.).

мелькнуло сморщенное худое лицо, полились помои... Гвидо едва успел отскочить в сторону. По улице в канаве текла река из помоев, в которую вливались притоки крови из мясных боен.

Зловонный запах витал над европейскими городами! Во дворах неизменно пахло мочой, по площадям то тут, то там пробежали крысы с длинными хвостами...

Гвидо, прикрывая нос, чтобы не дышать городскими ароматами, от коих он успел отвыкнуть за время плавания, шёл к своей желанной Альбине, куртизанке из публичного дома сеньоры Бруно. Оказавшись в её объятиях, он на мгновение забыл о том, что осталось позади: гибель товарищей, тела которых, покрытые гнойными язвами, шишками, чёрными пятнами, они выбрасывали за борт.

Теперь обнажённый человек лежал на постели, а в волосах на груди его кишели вши, словно кипящая в котле вода³⁹. Расплатившись с любимой куртизанкой за приятное времяпрепровождение, он вернулся на корабль, где вскоре скончался... Ещё раньше смерть постигла его подругу. Но та успела заразить своих клиентов...

Спустя неделю чума воцарилась и в этом городе, а в скором времени обошла всю Сицилию. Люди бежали «быстро, далеко и надолго»⁴⁰, умирая в пути. Генуэзцев вскоре прогнали из Мессины, и они поплыли в родной город. Но весть о «господнем биче» добралась до Генуи раньше.

В городской бухте галеры были обстреляны камнями из катапульта. Несчастные моряки и торговцы вышли в открытое море в поисках нового приюта. Впрочем, чаша смертная не минует итальянских городов. В охваченной эпидемией Генуе погибнет сто тысяч человек. Опустеют Флоренция, Венеция и Рим...

Лето 1348 года. Франция.

Вскоре галеры подошли к французскому порту Марсель. Жители этого города, на своё несчастье, не слышали о дурной славе Генуи. Живые трупы сошли на берег. История повторилась: моряки разбрелись по городу, а, когда началась эпидемия, итальянцев изгнали. Но семена моровой язвы пали в благодатную землю и успели прорасти, принеся богатые всходы, но то были тернии, что заглушили всякую жизнь...

По морю, гоняемые переменчивыми ветрами, плавали генуэзские галеры, полные трупов. Иногда волна выбрасывала корабль на сушу, и тогда рыбаки с ликованием растаскивали богатства из трюмов по своим домам. Чувство брезгливости перед мертвецами со странными язвами на теле отступало перед жадной наживы. Люди, охваченные алчностью, обрекали себя и своих родичей на гибель...

Чума с триумфом шествовала по Франции! В Авиньоне умерло столько людей, что была освящена река, чтобы сваливать в неё трупы. Папа Римский Климент 6, живший в ту пору в этом городе, бежал в свою виллу Этуаль-сюр-Рон, где заперся в комнате и, дрожа от страха, сидел между двумя жаровнями, пылающими огнём.

В те дни жители Парижа видели в небе хвостатую комету, которая внушала им суеверный страх... В этом городе жил юноша, двадцати лет отроду, звали его Франсуа. Он был сыном знатного рыцаря, графа де Монфор, который воевал с англичанами и чудом избежал гибели в битве при Креси. Юноша мечтал о воинской славе, но, будучи слаб телом, поступил в Парижский университет, где преуспел, став магистром теологии.

Однажды в соборе Парижской Богоматери он увидел необыкновенной красоты девушку. У неё были золотистые кудри и голубые цвета неба глаза. С тех пор он часто вспоминал о ней

---

³⁹ Вши в Средние века католические священники объявили «божьими жемчужинами», а врачи говорили, что в мытое тело проникают болезни. Потому-то люди в Западной Европе не мылись порою годами (прим. авт.).

⁴⁰ Бежать быстро, далеко и надолго – единственное спасение от чумы, – считали люди средневековья, но, увы, не всегда это помогало (прим. авт.).

и, воспылав чувством, даже стал писать любовные стихи. Звали её Луиза, и была она... женой герцога де Бурбона. Когда Франсуа узнал, что его возлюбленная замужем, он пал духом и с грустью подумал: «Это знак свыше. Господь призвал меня на служение, мне должно идти по этому пути!». Он избрал тернистую дорогу к спасению – монашество, но в его жизнь вторглась чёрная смерть, – тем вечером, когда зазвонили колокола на башнях Собора Парижской Богоматери...

Франсуа жил в особняке отца своего и готовился к послушничеству в аббатстве Сен-Дени. Граф де Монфор, узнав о решении сына отречься от всего мирского, посмеялся над ним:

– Франсуа, да ты и двух дней не протянешь в монастыре!

– Отец, отчего обижаешь ты меня? Я твёрдо решил посвятить свою жизнь Господу! – возражал юноша.

– Я читал твои стихи, – вдруг заявил граф де Монфор. – Кому ты признаёшься в любви? Кто такая эта Луиза?

Тогда юноша покраснел от стыда и опустил глаза, ничего не ответив отцу. Вскоре он побывал в аббатстве Сен-Дени.

– Сын мой, – говорил ему настоятель монастыря, – меня радует твоё стремление служить Господу нашему. Но знай, что это крест, который дано нести не всякому благочестивому христианину! Спасение можно обрести и в миру...

– Вы думаете, мне не по силам сей крест? – удивился Франсуа.

– Я думаю, тебе прежде должно познать самого себя, – сухо отвечал аббат. – Если за год твоё желание не угаснет, мы примем тебя в своё братство...

– Год?! – воскликнул юноша. – Целый год!

Франсуа не знал, что накануне в аббатство приезжал его отец с щедрым пожертвованием... И теперь день за днём по утрам и вечерам он усердно молился, стоя на коленях, а каждое воскресенье посещал мессу, исповедовался и причащался Святых Даров.

Мать свою Франсуа потерял, когда ему не было и десяти лет: она умерла от чёрной оспы. Отец же сильно изменился, вернувшись с войны. Англичане убили под ним лошадь, а стрела, выпущенная из длинного лука, задела его ногу. С тех пор граф прихрамывал.

Надо сказать, битва при Креси стала кошмаром для французов! Английский король Эдуард 3 выставил против рыцарей Филиппа 6 стрелков, вооружённых длинными, в рост человека, луками. И тогда град стрел встретил наступающую французскую конницу. Многие славные рыцари полегли на поле брани!

Ещё немало сражений проиграют французы в той войне, которую впоследствии назовут Столетней, а спасёт погибающую страну Орлеанская дева Жанна д'Арк. Но это будет чуть позже, а пока на город надвигалась беда... страшнее войны!

Франсуа одно время жил при университете, – возвращение домой не принесло ему радости. Граф де Монфор, что ни день, напивался допьяна. Крики, смех и женские визги доносились из зала, в которой пировали хозяин дома и его гости. Вино лилось рекой, и застолья плавно перетекали в разнузданные оргии.

Франсуа предпочитал веселью чтение и молитву. Иногда отец посылал за ним слуг, но он отказывался идти. Однажды граф де Монфор сам пришёл за сыном.

– Как ты смеешь, ублюдок, – заревел он, с трудом держась на ногах, – послушаться меня? Сколько раз я звал тебя, но ты не являлся!

– Отец, прошу тебя – отпусти меня, – взмолился Франсуа. – Я не гожусь для удовольствий сего бренного мира!

И тогда граф де Монфор выхватил из ножен меч и протянул юноше:

– Возьми его, убей меня и ступай на все четыре стороны...

– Я и в мыслях не подниму руки на тебя, отец, – промолвил Франсуа, опустив глаза.

Лицо графа де Монфора скривилось в презрительной гримасе:

– Какой же ты рыцарь?! Где твоя честь? Ты не мой сын... Твоя мать, потаскуха, пока я кровь проливал на войне, спала со всеми подряд! Ты не достоин жизни. Я убью тебя!

Он с мечом в руках бросился на сына. Франсуа же опустился перед отцом на колени, смиренно преклонив голову.

– Встань и прими свою смерть достойно как мужчина! – ревел граф де Монфор, потрясая своим мечом.

Тем временем, на крики сбежались гости и оттащили разъярённого отца от коленопреклонённого сына.

С тех пор Франсуа мечтал только об одном – поскорее покинуть отчий дом. Когда годичный срок, о котором говорил настоятель монастыря, истёк, он отправился в аббатство Сен-Дени. Уже за полночь Франсуа постучал в монастырские ворота и ждал, когда откроется окошечко в двери. Но никто не появлялся. Он стукнул ещё раз. Царила мёртвая тишина. Ни шагов, ни голосов... Вдруг издалека донёсся колокольный звон. Франсуа вспомнил комету, что явилась на небе давеча, – ту, которая по поверьям несла на своём хвосте несчастья, – потом вскопчил на коня и поскакал в город...

На улицах повсюду полыхали костры, и было светло словно днём. По мостовым среди грязных вонючих канав бегали крысы. Но людей нигде не было видно.

– Все в Нотр-Даме, – догадался тогда Франсуа. Народ действительно толпился на площади перед собором, – эти люди не вместились в храм и стояли с поникшими головами в ожидании своей очереди на причастие; слышались женские всхлипывания и рыдания. Из глубин собора доносились духовные песнопения. Не смолкал колокольный звон.

Франсуа подумал: «Самое худшее свершилось! Моровая язва пришла в Париж. Настало время покаяния и молитвы!». Он спешил и попытался пробиться сквозь толпу в собор, но люди на сей раз не желали расступаться перед дворянином. Тогда он оседлал коня и поскакал к дому графа де Монфора. «Отец, верно, и не заметил моего отсутствия», – думал блудный сын. Случайно или нет, Франсуа свернул на ту дорогу, где жила прекрасная дама, которой он посвящал свои стихи. Теперь какие-то люди выносили из дворца герцога де Бурбона сундуки и вещи.

– Что вы творите?! – наскочил на них юноша. – Как вы можете совершать худое дело в такую ночь?! Немедленно верните всё и покайтесь. Господь милостив...

– Парень, шёл бы ты отсель по добру по здорову, – мрачно отозвался один из грабителей, коренастый широкоплечий мужчина, – в руке у него блеснул длинный кухонный нож.

– Что ты, Пьер?! У него ещё молоко на губах не обсохло! – остановил его другой грабитель. Тогда они вдвоём набросились на Франсуа и стащили его с коня. Последнее, что увидел юноша перед тем, как потерять сознание, был широкий кулак коренастого грабителя...

На рассвете Франсуа пришёл в себя; над черепичными кровлями парижских домов поднималось солнце. Он встал на ноги: голова шла кругом, – с трудом вспомнил события минувшей ночи и огляделся по сторонам, нигде не найдя своего жеребца. Издали всё ещё доносился колокольный звон.

– Луиза! – воскликнул юноша и бросился во дворец герцога де Бурбона. Его никто не останавливал. Ни стражи, ни слуг, – он шёл по пустым залам дворца, пока не оказался в будуаре. На кровати за балдахином лежала его возлюбленная.

– Луиза, – позвал Франсуа, но та не отвечала. – Простите за вторжение! Я просто хотел убедиться, что с вами...

Юноша нерешительно шагнул вперёд и сквозь полупрозрачные занавески полога увидел её прекрасное лицо, голубые глаза, чудесные золотистые локоны. Наконец, он собрался с духом и отодвинул балдахин в сторону:

– Я давно хотел сказать, что люблю вас...

Стеклянные неподвижные глаза Луизы, печать смертного ужаса на лице её заставили его вздрогнуть. Он отшатнулся от мёртвого тела своей возлюбленной и поскользнулся в луже крови.

Франсуа вскричал, будто раненый зверь, и выбежал из дворца. Страх переполнял душу юноши, и теперь ему хотелось лишь одного – поскорее оказаться дома. Путь его пролегал через торговую площадь. Крики и проклятья оглашали всю округу:

– Смерть отравителям! Они распяли Христа и мечтают погубить всех христиан. Смерть отравителям-евреям...

Посреди площади народ толпился вокруг огромных разожжённых костров, куда подбрасывали хворост и ветки. Языки пламени трепетали на ветру, расплываясь в густом дыму. По мостовой волокли в кровь избитого человека, в котором не без труда прохожие узнавали известного парижского еврея-ростовщика Захарию бен Давида. Тот человек, будучи ослаблен болезнью, даже не пытался вырваться из рук своих мучителей. Несчастливого иудея бросили в костёр, и пламя поглотило его...

За первым, приговорённым толпою, на аутодафе последовали другие, – их тащили за волосы, избивали и, не внимая мольбам о пощаде, предавали огненной смерти... Горящие люди выскакивали из пламени и были побиваемы камнями.

– Чем провинились эти люди? – вопрошал бледный Франсуа, не желая верить в происходящее.

– Это они принесли чуму в наши дома, – кричал народ, кидая камни. – Евреи жаждут гибели христиан. Их смерть избавит нас от страданий!

– Нельзя же без суда казнить... – обмолвился юноша.

– Да, кто ты такой? Заступник нашёлся! А, может, ты еврей? Ребята, хватайте его! – одиночный голос в толпе утонул в воплях новой жертвы, которую охватило пламя.

Перепуганный Франсуа бежал с площади и беспрестанно шептал слова молитвы: «Господи, прости им, ибо не ведают, что творят!» Иногда ему на глаза попадались неподвижные окровавленные тела людей и бродячих собак, лежащие на мостовой...

Во дворе дома графа де Монфора стояла огромная в рост человека чёрная птица с длинным клювом⁴¹. «Боже мой! Это сон... Это просто сон... кошмарный сон!», – подумал юноша и зацепился за эту мысль как за спасательный круг. Луч надежды блеснул в его глазах: «Да, мне нужно проснуться. И тогда всё вернётся на свои места. Чума. Мёртвая Луиза. Костры. Люди в огне. Ничего этого нет, и никогда не было!» Франсуа зажмурился, ущипнул себя за руку, открыл глаза, но всё осталось, как и было. Вскоре он понял, что перед ним обыкновенный человек, – в плаще и маске, как на маскараде в Венеции.

– Кто вы такой? – бросился Франсуа к незнакомцу, который оттолкнул его от себя длинной тростью. Вдруг из-под маски раздался дикий вопль, и человек в плаще кинулся наутёк...

---

⁴¹ Чумные доктора носили маски с длинным клювом, куда прятали ароматические травы. Правда, это не спасало их от чёрной смерти (прим. авт.).

Франсуа вбежал в зал, где еще накануне вечером пировал его отец. Каменный пол был залит красным вином. «А что если это кровь?» – с испугом подумал юноша. Отца он нашёл в спальне лежащим в постели, но увидел на шее у него чёрные бубоны и отшатнулся в сторону.

– Что, доктор убежал? – через силу улыбнулся граф де Монфор. – Сын, не приближайся ко мне. Видишь, я умираю...

– Не говори так, отец, – сказал юноша со слезами на глазах.

– Франсуа, помолись обо мне Богу... – слабым голосом проговорил граф де Монфор. – Я виноват перед тобой. Это я убедил настоятеля не принимать тебя в послушники...

– Ты?! – воскликнул юноша. – Но... почему?

– В твои годы, – сказал граф де Монфор, – я сам мечтал о служении Господу. Я был невинен, как ты сейчас. Но отец мой желал видеть меня рыцарем в латах, а не монахом в рясе. Он взял меня с собой в поход, – тогда я впервые убил человека и с тех пор уже не могу остановиться... Не могу без войны! И тебя я хотел убить... Прости меня... за всё прости.

– Мне не за что прощать тебя, отец, – промолвил Франсуа, роняя слёзы.

– Уходи, беги, спасайся из этого зачумлённого города! – воскликнул граф де Монфор.

– Я тебя не брошу, отец, – настаивал на своем юноша.

– Ты опять меня ослушаешься? – спросил граф де Монфор, гневно сверкнув глазами.

– Да, ослушаюсь, – опустив очи долу, отвечал Франсуа.

– Спасибо тебе, – слабо улыбнулся граф де Монфор.

Франсуа не покинул отца своего и был с ним до конца... Перед смертью граф пожелал исповедаться и причаститься, – увы, никто из священников, оставшихся в живых, не откликнулся на его призыв...

В то время, когда весь цвет французского рыцарства бежал из Парижа, Франсуа остался в городе и пережил нашествие чёрной смерти. Он так и не смог посвятить себя служению Господу, и в 1355 году женился на девушке из древнего дворянского рода, – она родила ему пятерых сыновей. Четверо из них стали славными рыцарями и сложили свои головы в битвах с англичанами. Но самый младший из сыновей графа Франсуа де Монфора отроком был пострижен в ангельский образ в аббатстве Сен-Дени...

Тем временем, чума перешла Пиренеи. Общую чашу испили королева Арагона Элеонора и король Кастилии Альфонс 11. Вскоре моровая язва проникла на Британские острова, вторглась в германские земли и дошла до Польши...

1352 год.

В Любеке жил богатый купец, корабли которого бороздили всё Варяжское море, по Неве через озеро Нево и по Волхову доходили до Великого Новгорода, где был немецкий гостинный двор – двор святого Петра. На своих кораблях ганзейский купец привозил из Руси особо ценные в Европе меха и воск⁴². Торговал тот купец и с меньшим братом новгородским – Плесковым (Псковом). Но на сей раз в трюмах немецких кораблей, гружённых дорогим сукном⁴³, пришла на Русь моровая язва...

Псковичи, купившие немецкий товар высокого качества, перепродавали его на городском торгу. Зажиточные горожане, знающие толк в сукне, охотно покупали европейскую шерсть, не ведая, что приглашают в свои хоромы старуху-смерть. Домочадцы их становились первыми жертвами моровой язвы.

---

⁴² Во все времена Русь вывозила за рубеж природные ресурсы – в 14 веке это были продукты охоты и бортничества (прим. авт.).

⁴³ Сукно – шерстяная ткань с ворсом (прим. авт.).

До Руси и прежде доходили слухи о чуме, что свирепствовала в Орде и Европе. Ныне суд настал и русской земле...

Минула седмица. В псковской земле не осталось на погостах мест для погребения мертвецов... Священники в церквах за раз отпевали по тридцать человек. А то и более! Богачи, обнаруживая на себе печать лютой болезни, составляли духовные грамоты, завещая все свои имущества храмам и монастырям. (С тех пор церковь на Руси стала главным землевладельцем!)

Богачи, вспоминая перед смертью о душе, раздавали нищим щедрую милостыню, а священники, совершая таинство соборования, повторяли слова Иисуса Христа: «Трудно богатому войти в Царствие Небесное! Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное⁴⁴».

Кроме того, находилось немало доброхотов, которые желали послужить именитым купцам и боярам, стоящим одной ногой в могиле... Но, увы, не могли они воспользоваться плодами своих стараний – их ждала та же участь, что и тех, за кем они ухаживали. Усталость и озноб валили с ног, кровь выходила из лёгких с кашлем, чёрные пятна покрывали всё тело. В три дня угасала жизнь...

Трепет вошёл в кровь и плоть людскую! Псковичи усердно молились Господу о даровании спасения. Вскоре на вече решено было послать гонцов в Новгород за архиепископом. Владыка Василий, в отличие от западных священнослужителей, не бросил свою паству, пришёл в город, отслужил в храме и благословил псковичей. Но на обратном пути заболел и умер на реке Узе...

Осенью того же года мор поразил новгородскую землю. И тогда началось его победное шествие по южной и восточной Руси. Чума пришла в Смоленск, Киев, Чернигов и Суздаль. В малых городах, таких как Белоозеро и Глухов, не осталось живых людей.

И Москву не обошла стороной чаша сия! Вслед за митрополитом Феогностом преставился князь Симеон Иоаннович. Отошёл в мир иной и брат его Андрей, коего сын, наречённый Владимиром, не увидел отца...

В 1353 году чума пошла на убыль⁴⁵. Недолгое время мор свирепствовал на русской земле, но покосил немало народа. Иван Калита мечтал о сорока годах тишины, он вырвал, добился их, но, увы, накопить силы для борьбы с татарами Русь так и не смогла...

---

⁴⁴ Одна из восьми заповедей блаженства, открытых Христом в Нагорной проповеди. Нищие духом – те, кто Бога превозносят за дарованные богатства, и живут по словам ветхозаветного Иова: Бог дал, Бог взял (прим. авт.).

⁴⁵ На Руси от «чёрной смерти» погибло меньше людей, чем в Западной Европе. Однако чума оставила тяжкий след и в нашей истории, отодвинув время освобождения от татарского ига (прим. авт.).

Книга первая. Отрочество

Глава первая. Крестьянка

В стародавние времена на земле Московской стояло село Воскресенское. Десять дворов, деревянная церковь с погостом – вот и всё достояние сего села. Жили в нём обычные русские люди⁴⁶, на коих ещё не легла тяжёлая барская рука. Их пращуры молились солнцу о благодатной погоде и богатом урожае...

С тех пор миновали столетья, – народилось иное племя. Но, как и прежде, мать-земля кормила своих сыновей и дочерей. Иногда баловала их, но чаще воспитывала в строгости, дабы помнил человек, что не он хозяин в мире этом!

Из лета в лето одной стезёю ступает оратай-пахарь. Солнышко прогревает землю, – сходит снег с полей. Тогда крестьянин запрягает лошадку в соху, – кобыла идёт по пашне, тянет рало: оmeshки чиркают по камешкам, оставляют на земле борозды. Пахать, боронить да сеять – нелёгкий труд крестьянский! Падают зёрна во взрыхлённую землю. И тут вспомнить подобает мудрость: коли семя не погибнет, останется одно, а погибнет, принесёт богатые всходы. Это вечный круг бытия!

Проходит время. Нивы покрываются зеленью. Возрастает на пашнях пшеница, – колосья её наливаются золотом и радуют глаз. Наступает весёлая и многотрудная страдная пора. Все сельчане в покосных рубахах выходят в поле на жатву. Под дружные взмахи косцов ложатся стебельки пшеницы наземь. Сельские бабы связывают снопы, несут на гумно, раскладывают в овине для сушки. После этого надобно ещё обмолотить хлеб, ссыпать жито в амбарные закрома, а, кроме того, собрать урожай с грядок, рожь да пшеницу озимые засеять...

В студёную пору сельчане пожинают плоды своих трудов. Мужики лапти плетут, бабы пироги пекут да сорочки шьют своим домочадцам.

Так, испокон веков жили русские крестьяне, покуда не приходила за ними старуха с косой...

В Воскресенском жил мужик по имени Фёдор, Гаврилов сын. Неспроста сельчане избрали его старостой! Большое хозяйство было у Фёдора Гавриловича: две лошади, две коровы, свиноматки, овцы и домашняя птица. Сельчане поговаривали, что в доме старосты живёт достаток.

Пройдут столетия, и зажиточных соседей крестьяне из зависти нарекут кулаками, мечтая силой отнять нажитое тяжким трудом батраков... Но в те далёкие времена умным и сильным хозяевам честь воздавали и сельских старост из них на мирском сходе выбирали!

Всего в избытке было у Фёдора Гавриловича. Но не возносился он перед своими соседями, не зазнавался, не хвастал своим добром. И слова обидного от него никто вовек не слышивал. Староста принимал на себя подати, как все, – по силе своего хозяйства. По его задумке залежные земли сельчане сообща вспахивали и засевали, с приходом страды всем миром жали хлеб и собирали в обчие закрома, а жито получали нуждающиеся. Погорельцы, бедняки, старики и вдовы, – все шли к старосте за помощью, и никому он не отказывал!

---

⁴⁶ Люди (в ед. числе – людин) – по Русской правде – свободные крестьяне-общинники, защищённые вирой в 40 гривен. Для сравнения: жизнь смерда оценивалась всего в 5 гривен (как и холопа). Смерды – крестьяне, жившие на чужих (княжьих, боярских, монастырских) землях (прим. авт.).

Но однажды постучалась беда в избу старосты – в лихорадке помер его старший сын. Отныне не мог потянуть Фёдор Гаврилович в одиночку пять десятин пахотной земли. Семилетний Вася, младшенький, покуда не годился для тяжёлой работы. И тогда Фёдор Гаврилович сбросил с себя непосильное бремя и раздал соседям удобренные пашни, что приносили хороший урожай.

Время шло. Василий подрастал, и настала пора молодцу привести в дом отца жену. Дородством и пригожестью мать-природа щедро награждала русских девиц, но не глянулась ни одна из них Васе.

Надо сказать, Фёдор Гаврилович долго выжидал прежде, чем решился прибегнуть к своей отцовской власти. И однажды за разговором в обеденную пору обмолвился:

– Пора тебе, сыне, остепениться. Мужуку на Руси не обойтись без бабы!

Юноша тогда покраснел и в смущении отвечал:

– Батя, мне и пятнадцати годков не стукнуло.

– У Ивана Григорьевича в девках ходит дщерь Глаша, – ныне вечером пойдём её сватать! – строго по-отцовски сказал Фёдор Гаврилович.

– Батя, – взмолился юноша, – погодь чуток, дай срок – я найду себе невесту по любви.

– Мы с твоей матерью о любви не говаривали, а прожили душа в душу не один десяток лет... Довольно! Идём вечером... – гневно прикрикнул на него Фёдор Гаврилович, но опосля, подумав, добавил. – Даю тебе месяц сроку, а коли не сыщешь себе невесты, я тебе найду её!

Неделю спустя Василий пас отцовское стадо. И надо же было случиться оказии, – пропала овца... Долго бродил юноша по лесам и полям, но скотинка как сквозь землю провалилась. Он поворотил назад, однако в сумерках сбился с пути. Старые лапотки поистёрлись, онучи одырявились, ноги о камни окривелись. Шёл Василий, оставляя красные следы, и вдруг где-то совсем близко послышался вой... Сердце у него в груди забилося сильно-сильно.

– Набегут, проклятые, и погубят душу мою! – вскрикнул юноша и бросился бежать, куда глаза глядят. Ветви хлестали его по лицу, – он падал, спотыкаясь о пни да колоды. Но вот вдали замерцали огоньки. Надежда затеплилась в сердце Василия.

– Люди, – воскликнул он, – помогите!

Впереди показались крестьянские дворы и избы.

– Село аль весь⁴⁷, – пробормотал юноша и бросился навстречу неизвестности. В открытом волоковом окошке светил огонёк. И тогда Василий прошмыгнул в сени, отворил дверцу в горенку и остановился в нерешительности на пороге.

В избе горела лучина, и лампадка теплилась в красном углу. На лавке за рукодельем сидела девица с тёмно-русыми волосами, ниспадавшими до пояса, и венцом на голове: в руках у неё была иголка с ниткой, а на коленях – куски льняной холстины.

Девушка подняла тёмные, словно угольки, глаза свои и с любопытством взглянула на незваного гостя.

– Я... искал овцу из стада отца своего да... заблудился, – несмело промолвил юноша, забыв поклониться. – Могу я повидать хозяина дома сего?

– Батюшка и братец к бортям отошли засветло, до сей поры не воротились, – улыбнулась девица. – Проходи, Вася, будь гостем дорогим!

Она убрала в сторону рукоделье, поднялась и поклонилась юноше в пояс.

---

⁴⁷ Весь – небольшое село. Слово «деревня» появилось позднее и первоначально обозначало пашню. Так, было выражение «пахать деревню» (прим. авт.).

– Тебе ведомо, как звать меня? – удивился он. Девушка, не отвечая, принесла ушат с водой и, взяв его за руку, ласково промолвила:

– Садись, Вася, на лавку, и позволь мне омыть твои болезненные уставшие ноги...

«Я сплю, и мне всё это снится!», – подумал юноша, чувствуя прикосновение нежных рук.

Вода в ушате окрасилась в красный цвет.

– Скажи мне, я сплю? – спросил Василий, глядя на девушку заворожённым взором. Та рассмеялась, вытирая убрисцем ноги его.

– Отчего ты смеёшься? – смутился он.

– Потерпи чуток, милый, я помогу тебе, – молвила девица и скрылась в чулане.

«Кто она? – растерянно думал юноша. – И откуда ей ведомо обо мне?»

Девица вскоре вернулась с горшочком в руках и поставила его на лавку.

– Что сие? – осведомился юноша, увидев нечто белое, похожее на молоко.

– Снадобье, – отвечала девица.

– Ты ведаешь, как лечить?

– Матушка обучила меня премудрости сей!

Девица взяла немного зелья из горшочка. И юноша вновь ощутил нежное прикосновение её рук, а вскоре его ногам стало легче.

– Чудо! – растерянно прошептал Вася. – Но кто же ты?

– Зовут меня Дарья, – представилась девица. – Я Андреева дочь. А знаю я тебя, Вася, понеже с батюшкой и братцем по воскресеньям бываю в селе вашем на обедне⁴⁸.

– Прежде я тебя не видывал, – пробормотал юноша.

– И неудивительно, – помрачнела Дарья, – девицы и женщины не входят в храм, а остаются в притворе. Но ты голоден, гость мой... Я принесу щей. Давеча приготовила.

Кушанья были хороши. Василий утолил голод. Боль в ногах его утихла. В протопленной избе ему было тепло и уютно. Дарья сидела на лавке за рукоделием, изредка поглядывая на юношу.

– Благодарствую, хозяйшка, – гость поднялся и отвесил низкий поклон, – а теперича просить хотел я у тебя о ночлеге. Позволь передохнуть на сеновале...

– Отчего ж на сеновале? – возразила Дарья. – Ты – гость в нашем доме! Я перину постелю тебе на лавке...

Юноша изменился в лице и с испугом промолвил:

– А коли твои батюшка и братец воротятся? Что они подумают?

– Ранее восхода солнца не воротятся, – отвечала Дарья. – А кабы батюшка был тут, он сам бы распорядился так.

– А соседи? Людская молва хуже врага! – не унимался Василий.

Дарья улыбнулась:

– Не бойся, милый, никто не узнает, что ты провёл ночь в избе с одной девицей. Да и скоро покину я дом отца своего...

– Ты идёшь замуж? – спросил Василий и почувствовал, как в сердце его что-то больно кольнуло.

Дарья качнула головой, дескать – да. Юноша помрачнел. В его душу ворвалось сладкое томительное чувство, которого он не знал прежде.

– Мир вам да любовь, – произнёс Василий, не глядя на Дарью.

– Что ж ты не спросишь имени моего суженого? – усмехнулась Дарья. – Я выйду замуж за сына старосты села Воскресенское Фёдора Гавриловича. Ему теперича я и шью сорочку...

– Так, это ж я! – удивился Василий. – Ты желаешь быть моей женой?

---

⁴⁸ Обедня – Литургия, богослужение (прим. авт.).

– К чему лишние вопросы? – нахмурилась Дарья. – Батюшка твой, небось, рад будет, когда ты скажешь ему, что нашёл невесту. Но заговорились мы с тобой, а ты намаялся за день!

Тогда она постелила ему на лавке в конике пуховую перину:

– Спи сладко, сокол мой ясный!

Василий сомкнул глаза и тотчас забылся сном. Засветло он покинул сей гостеприимный дом, но твёрдо решил для себя, что ещё вернётся туда.

«Дарья... будто знает меня много лет! Что со мной? Отчего тоска не отпускает меня с того времени, как я вышел за порог?» – юноша шёл по полю, куда глаза глядят, и ноги сами привели его в родное село.

– Где ты был? – закричал на сына Фёдор Гаврилович.

– Я малость заплутал, покуда искал пропавшую овцу, – проговорил Василий с сияющим видом.

– Нашлась овца – запуталась рогами в терновнике, – сказал отец. – Эх ты ослабился! Аль случилось что?

– Батя, я нашёл невесту! – воскликнул юноша.

– Когда? – удивился Фёдор Гаврилович.

– Сей ночью... Я заблудился и вышел к сельцу, в коем она живёт. Зовут Дарья дочь Андреева. В темноте я окровенил ноги, – она помазала их чем-то, и боль прошла...

– Ты говорил с её родителями? – заметно помрачнев, осведомился Фёдор Гаврилович.

– Отец и брат её ушли к бортям – в доме... была она одна, – нерешительно отвечал юноша.

Фёдор Гаврилович тогда покачал головой:

– Я, кажется, ведаю, о ком ты глаголешь. О семье бортника Андрея я слыхивал и ранее. Жену его неспроста люди ведьмой окрестили, – дочь свою она родила уже в зрелых летах. Окромья того, не нашего рода-племени была та женщина, – не знамо, откуда пришла она и опять же не ведомо, сгинула в каких краях. А ныне дочка ее в девках засиделась...

Василий не слушал, что говорит отец, и упрямо промолвил:

– Батя, хочу посватать Дарью.

– Да ты слышишь меня? – вскричал Фёдор Гаврилович.

– Люба она мне, батя, – повысил голос Василий. – Ты хотел женить меня. А теперича что, пошёл на попятную?

– Что ж, коли приглянулась она тебе, бери её в жёны, – мрачно промолвил отец сыну. – Да гляди, кабы она тебя не околдовала...

Вечером Фёдор Гаврилович кликнул брата своего Ивана, который завсегда не прочь был пропустить чарку-другую, и втроём они узкою стезёю пошли сватать дочь бортника Андрея. На опушке густого леса лежала деревушка в несколько дворов. Василий тотчас признал дом, в котором провёл минувшую ночь.

– Мир вам! – Фёдор Гаврилович отвесил поясной поклон, входя в избу. В руках он держал каравай, испечённый женой Ивана Гавриловича, который вошёл вслед за братом. Последним в избе оказался Василий, – он огляделся по сторонам и не увидел Дарьи.

Между тем, хозяин дома – бортник Андрей приподнялся с лавки:

– Здравы будьте, гости дорогие, – и кивнул сыну, мол: «Кликни Дарью. Пусть накроет на стол!». Юноша метнулся в сенцы.

– Проходите, будьте как дома, – говорил хозяин, принимая из рук Фёдора Гавриловича расписной каравай. Гости чинно уселись на лавки. И повисло неловкое молчание. Никто не знал, с чего подобает начинать разговор.

Тогда Иван Гаврилович подумал: «Кабы чаркой не обнесли!», – и решил взять дело в свои руки:

– Пришли мы к вам рядиться. У вас товар, у нас купец...

– Василий Фёдорович, кажись, уже бывал в нашем доме, – улыбнулся хозяин, обратив взор на юношу, сидящего на краю лавки.

– Да, сей ночью, – отвечал за него Фёдор Гаврилович, – дочь ваша гостеприимно привчала его. Благодарствую вам!

– Её благодарите, а не меня, – отозвался бортник Андрей, – а се и она!

Дверь распахнулась, – в избу вбежала раскрасневшаяся Дарья; брат её осьмнадцати лет, коего звали Димитрием, вошёл следом. Девица бросилась в бабий угол и принялась накрывать на стол. Гости улыбнулись: видать, хороший знак.

– Хозяюшка ваша – знатная стряпуха, – обмолвился Фёдор Гаврилович, испробовав принесенных щей.

– А как она умеет ткать да вышивать! – проговорил бортник Андрей. – Мастерица она у меня, – затейница! Сия скатёрочка – ее работа...

Фёдор Гаврилович сразу, как сел за стол, заметил дивную скатерть. Загляденье! Красота неопишная! Слово на ладони – княжий терем в окружении церковей со златыми куполами. У подножия холма река несёт свои воды, а на берегу её раскинулись посадские избы, окаймляя торговую площадь – купеческие ряды с заморскими товарами. Того гляди оживёт сей чудный образ, и услышит Фёдор Гаврилович плеск воды в реке, пение птиц и шум торгового.

– И впрямь мастерица, – вымолвил он, открыв рот от удивленья.

– Жаль будет расставаться с такой дочерью, – вздохнул бортник Андрей.

– Да, но чему быть, того не миновать! Господь установил сей порядок, – говорил Фёдор Гаврилович, а Иван поддакивал ему. Дарья, между тем, сидела в сторонке, не вступая в мужской разговор. Василий тоже молчал, украдкой поглядывая на неё. Когда Иван Гаврилович осушил третью медовую чарку, Андрей кивнул сыну:

– Митя, ступай, принеси-ка ставленого!

Димитрий скрылся в чулане, а вернулся со штофом, наливая в чарки гостям нового мёда. Испробовав его, Иван Гаврилович воскликнул:

– Славно! Изрядный мёд. Вкус отменный!

– Сей напиток, – молвил Андрей, – мы поставляем в Москву: князь Иван Данилович вельми доволен! Кстати, ту смоляную бочку, что ставил в землю отец мой, Царствие ему Небесное, вынимал я десять лет спустя.

– Знатные у нас будут сродники, – шепнул Иван Гаврилович брату на ухо. – С князьями знаются!

Вскоре сваты захмелели. Бортник Андрей потчевал гостей, а сам не притрагивался к чарке.

– Пора нам, в путь-дорогу, – сказал, наконец, Фёдор Гаврилович. Но едва он поднялся с почётно-го места своего, как ухватился за стол, чтобы не упасть.

– Оставайтесь у нас, гости дорогие, места всем хватит, – пряча улыбку в уголок губ, промолвил бортник Андрей.

Дарья постелила на лавках перины для гостей, – они улеглись, и вскоре стены избы сотряслись от дружного мужицкого храпа. Димитрий полез на полати. Василий остался за столом, ожидая слова хозяина дома. Бортник Андрей окинул его долгим строгим взглядом:

– Теперича пришло время и для разговора. Дарья, поди сюда.

Девица встрепенулась и оказалась подле отца своего.

– Я не ведаю, – продолжал бортник Андрей, – чем ты приглянулся моей дочери... Дарья мудра не по годам и зело похожа на свою мать. Она желает выйти замуж за тебя. Я же не пойду супротив её воли! И то правда, что засиделась она в девках. Соседи посмеиваются. Но знай, коли обидишь дочь мою хоть однажды, пощады от меня не жди!

– Люба она мне. Я беречь буду её – голубку мою, – негромко отозвался Василий.

– Что ж, так тому и быть, – угрюмо промолвил Андрей. – Подойди.

Он соединил их руки и, взглянув на потемневший лик Спасителя, сказал:

– Благословляю вас, дети. Живите дружно и в горе, и в радости...

А утром порядили – быть свадьбе опосля страды!

– За Дарью в приданое я даю суконные ткани, восковые круги, бочки мёда варёного...

Одна дочь у меня – ничего для неё не пожалею! – мрачно проговорил бортник Андрей. Фёдор Гаврилович остался доволен сватовством и переменял своё мнение: «Мало ли что люди калякают! Добрый гостеприимный дом. Ведут торг с самим князем! Девка – хорошая хозяйка...» Его несколько смущали её глаза, чёрные как угольки: «Наши девки голубоглазые. Но... разве за глаза выбирают жён?» Он выкинул из головы все свои прежние думы и сосредоточился на двух мыслях: убрать хлеб да женить сына...

Пролетели счастливые деньки. Дарья шла под венец. По лицу у неё текли ручейками слёзы... После венчания заплели ее волосы в косы, обернули их окрест головы, покрыли кичкой⁴⁹, а поверх повязали платок, – сменила она девичий венец на замужнюю сороку.

– Милый мой, прости меня, оплакиваю я свою девичью волюшку, – тихо молвила Дарья мужу. – Матушка моя перед уходом говаривала: «Дарьюшка, как пойдёшь замуж, хлебнёшь ты горяшко!».

На свадьбу сына старосты собралось всё село. Пировали во дворе у Фёдора Гавриловича. Стояли последние погожие деньки бабьего лета. В воздухе ощущалось первое дуновение осени. Гости, как сидели за столом по старшинству, вставали и поздравляли молодых, поднося дары: кто – суконные да холщовые ткани, кто – чугунную да деревянную посуду. Они ели, пили, балагурили да, знай себе, покрикивали: «Горько!» Дарья подымалась, утирая платочком слёзы, что гостей совсем не трогали – привычные они были к женской слабости...

Когда, наконец, гости разошлись, муж и жена остались наедине в клети, где им приготовили брачную постель.

– Отчего ты такая грустная ныне? – печально вопрошал Василий. – Аль не рада, что вышла за меня замуж?

– Васенька, – молвила она, – не гнеvisь на меня, я буду тебе доброй да ласковой женой!

– Что ты? – улыбался он, привлекая ее к себе. – Как же я могу гневаться на тебя, коли любя ты мне? Голубка моя распрекрасная!

Девять месяцев спустя.

Василий убежал в хлев и по лесенке поднялся на сеновал, – более не мог он слушать стоны и крики жены своей! Боли у Дарьи начались на рассвете: позвали повитуху. Теперь же был поздний вечер: она страдала пятнадцать часов кряду...

Василий лежал на сеновале и мечтал о сыне: грезилось ему, как принимает он младенца из рук повитухи, пеленает его в свою рубаху и кладёт в колыбельку. Когда он воротился с сеновала, необычайная тишина стояла окрест.

– Разродилась! – обрадовался он и вбежал в дом. Дарья лежала посреди клети без чувств. Младенца не было...

– Где дитя? – спросил Василий.

– Нету... – мрачно отозвалась повитуха. – Мёртвым родился твой сын!

Тогда Василий опустил на лавку и обхватил голову руками. Горько заплакала Дарья, очнувшись и проведая о судьбе младенчика.

⁴⁹ Кичка (сорока) – в Древней Руси головной убор замужней женщины, полностью покрывавший волосы (прим. авт.).

– Не кручинься, голубушка, – утешал её муж, – ещё будут у нас детки малые!

Вскоре облачилась Дарьюшка в платье тёмное, неделями ничего не вкушала, ходила с поникшей головой, долгими ночами стояла на коленях пред божницей, творя крестные знамения и вознося молитвы.

– Почто казнишь ты себя? – спрашивал у неё муж. – За дитя наше, что родилось мертвым... Нет в том вины твоей!

– Все мы пред Богом виноватые, Васенька, – молвила Дарья, – молюсь я за душу матушки своей... Грех её лежит на мне!

– Исхудала ты, – говорил муж, глядя на неё с состраданием, – который день ничего не ешь... Погубишь себя говеньем!

– Не будь преградой на сём пути, муж мой, – строго отозвалась тогда Дарья. И Василий оставил её в покое.

– Хороша жена, – говорила его младшая сестра Марья, – сторонится мужа своего...

Марья мечтала о замужестве, но сварлива была девка, – станом не стройна, лицом не бела. Женихов не находилось. Невзлюбила она Дарью, – бегала по соседкам да худую молву разносила о ней. Как пойдёт Дарья к колодцу за водой, соседushки переглядываются да перстами на неё показывают. Воистину людская молва хуже врага! Дарья слышала окрест себя смех да шёпот, но всё, молча, сносила...

Однажды, на праздничек воскресный она поднялась спозаранку, умылась и пошла в церковь к заутрене. Выстояла в притворе долгую службу, покаялась в грехах, причастилась Святых Даров. Потом воротилась домой, переделалась в понёву⁵⁰, вышитую яркими цветами, – сменила мрачную власяницу на белую сорочку и зажила, как прежде...

Свёкор не мог нарадоваться на свою скромную и работающую сноху. Слова худого от неё никто не слыхивал! Встаёт она засветло, печь затопит, щи да каши наварит, пироги напечёт, в избе приберётся, за рукоделье примется. Марья, меж тем, на печи валяется допоздна, а как встанет, идёт глядеть, что успела сделать Дарья. И всегда недовольна она:

– Мало пряжи напярла, бездельница, дармоедица!

Дарья, знай себе, помалкивает, с девкой злой спорить не желает и лишь однажды за рукодельем сказала ей такие слова:

– Ведаю, Марьюшка, что на душе у тебя, – тяжело тебе, не сладко одной-одинёшеньке! Но потерпи чуток. Истинно говорю тебе – вскорости придут в наш дом сваты из села Покровское...

– Что ты, лукавая, мелишь?! – воскликнула Марья, а у самой в глазах слёзы радости блеснули.

– Жениха звать Ванею, – сын он старосты сельского. Приглянулась ты ему в святки. Приходил он к нам ряженым в медвежьем образе, – промолвила Дарья, наматывая на веретено шерстяную нить. Услышав это, Марья вскрикнула, всплеснула руками и убежала в сени.

Фёдор Гаврилович уже отчаялся выдать дочь свою замуж. Увы, девичья краса с годами лишь тускнеет! «Так и помрёт старой девой», – думал он. Но неожиданно-негаданно в один из зимних вечеров приходят сваты. Старший сын старосты села Покровское, что лежало недалеко от Воскресенского, пожелал взять Марью в жёны. И тогда радости отца не было предела.

Он отвёдал каравая, принесённого сватами, и пригласил их разделить трапезу. Марья тотчас засуетилась, накрывая на стол. В последние дни она была сама не своя и всё выспрашивала у Дарьи о премудростях кухарских, – видать, являлся к ней ясный сокол, разузнавал, пойдёт за него, аль нет. Дарья, не помня зла, учила золовку варить щи и печь пироги...

---

⁵⁰ Понёва – на Руси шерстяная юбка замужней женщины (прим. авт.).

Теперь батюшка жениха похвалил кушанье, поднесённое Марьей. В тот же вечер сваты порядили о приданом невестинном. А спустя месяц сыграли свадьбу.

По древнему обычаю во дворе дома Фёдора Гавриловича смастерили большую снежную горку и изрядно полили её водой. В санях за невестой приехал жених. Марья в окружении подружек стояла на вершине горы. Иван попытался взобраться по скользкому склону наверх, но не удержался и скатился вниз. Други поддерживали его, а гости кричали: «Горько! Горько!» С третьей попытки жених все же оказался на вершине и там поцеловал невесту, – вместе они скатились с горки, сели в сани и поехали в село Покровское на венчанье.

Из церкви Марья вышла, светясь от счастья. Девушки, когда они любимы, становятся краше, словно цветок прекрасный распускается! Так и Марья – заметно похорошела и даже подобрела.

– Прости меня, Дарьюшка, – молвила она невестке накануне свадьбы, – разносила я о тебе дурную молву...

– Не ведаю, о чём глаголешь ты! Забудь, голубушка, о сём и ты... – с улыбкой на губах отвечала Дарья.

***

Десять лет спустя.

Крестьянский век короток! Не успеешь оглянуться – жизнь прошла, и лежишь ты на смертном одре... В мясопустную неделю преставился бортник Андрей. Лила слёзы горючие на могилке отца Дарья.

– Почто оставил ты меня, сиротинушку, милый мой свет-батюшка? – причитала она. – Почто оставил одну-одинёшеньку?

А вскоре под Рождество почил Фёдор Гаврилович. Василий стал хозяином в доме...

Из года в год Дарья ходила неспрадная, но приносила в подоле одних девок. Василий души не чаял в курносой Лушке, – её весёлый смех звенел в доме, словно колокольчик. Бойкая и шустрая девочка успевала и за утятами приглядывать, и с ребятами во дворе играть.

Однажды учил дочку Василий плавать, зашёл в реку подальше, – как вдруг выскользнуло дитя у него из рук, упало в воду и захлебнулось. Не откачали... Но раз беда пришла – отворяй ворота! Из деток до семи годков дожили лишь трое. Одно дитя зверь лютый в лес уволок, – не углядели, другое – от хвори умерло, – не излечили. С тех пор затаил обиду Василий на жену свою.

– Ты же ведала прежде, как исцелять, – бранил он её, – мать твоя ведьмой была! Как сказывают, татарского рода-племени, – и в старости зачала тебя, одному Богу ведомо, от кого. Может, от черта лысого?

– Не злословь мать мою, – тихо, но с угрозой обмолвилась Дарья. Тогда Василий расвирепел и ударил беременную жену свою:

– Не смей прекословить мне!

У Дарьи от удара кровь пошла носом. Она умылась холодной водою и горько подумала: «Что со мной? Ужель я впрямь потеряла свой дар? Отчего матушкины наставления не помогают? Всё делаю, как она указывала!»

Теперь после смерти Фёдора Гавриловича частенько поколачивал Василий жену свою – особенно долгими зимними вечерами. Зазовёт гостей, напьётся пива допьяна. Гости разойдутся, а он приступает к жене: «Такая ты разэтакая!» – и бьёт её головой о печку. Девочки на лавках кричат и плачут.

Отныне страх вошёл в сердце женщины – и слова поперёк молвить мужу своему не смеет. Всё терпит... Дешева обида на Руси! Где сыскать правды? Не знала она, не ведала... Нелегка жизнь крестьянки, даже некому поплакаться о своей судьбине.

Приехала однажды в гости к ним Марья. Пожаловалась ей Дарья на мужа. Тогда Марья накинулась на брата:

– Пожалел бы жену несправдливую, Ирод!

Василий угрюмо выслушал сестру, но, едва она уехала, снова поколотил жену, приговаривая:

– Неча на меня ябедничать!

И перестарался он, – умерло дитя в чреве материнском... Василий, прознав, что это был мальчик, запил на целую седмицу. Насилу исцелила его Дарья травяным отваром. Одно время не поднимал он руки на жену, но потом не сдержался, и всё пошло как прежде...

Единым прибежищем от постылого мужа для Дарьи была церковь, – лишь там наедине с Богом она находила отраду и утешение. Бывало, придёт, положит земной поклон и молится тихо-тихо:

– Господи, Иисусе Христе, помилуй мя, грешную! Спаси и сохрани душу мою. Не дай мне погибнуть от руки мужа моего. Пресвятая Богородица, приснодева, оборони моих деток от всяческих невзгод, простри покров свой священный на них...

Однажды Бог услышал горячие молитвы женщины и послал ей сына. Едва только проступил живот, муж перестал колотить жену...

12 октября 1350 года. Москва. Кремль.

Что роднит княгиню с крестьянкою? Княгиня живёт в просторных палатах. Наряды у неё все из парчи да меха собольего. Кушанья для княгини готовят, щедро приправляя заморскими пряностями. Прислуживают княгине холопы да дворяне. Любит княгинюшка понежиться на перинушке лебяжьей допоздна. Коротаёт она долгие деньки с милыми подружками-боярынями за шитьём и тихими беседами да ждёт с охоты ясного сокола своего. Раздаёт княгиня милостыню щедрую, всякий воскресный день в собор Богородицы является у отца духовного исповедаться. Не знает княгиня, не ведаёт, что такое жизнь народная, трудовая жизнь!

Настаёт, однако ж, час, что роднит княгиню с крестьянкою. Родовые страдания – общий бабий крест! «В муках рожать будешь ты за падение в грех», – таков удел дочерей Евы. Единый порядок установлен для тех, кто призван даровать жизнь. В часы страданий княгиня теряет личину своего прежнего величия. Боль невыносима, и она в малодушии помышляет о смерти. Слезы градом катятся по лицу её, – она призывает на помощь свою матушку. Силы постепенно покидают её...

– Я не могу больше, – кричит она. – Не могу!

– Потерпи чуток, княгинюшка. Твоё дитя на свет Божий просится. Немного уж осталось, – успокаивает её повитуха. – Ну же, тужься!

И вот, наконец, настаёт тот счастливый миг, когда повитуха перерезает пуповину и показывает родильнице младенца.

– Сын! – громко объявляет она. Тогда княгиня с чувством исполненного долга забывается глубоким сном. Сего младенца окрестят Дмитрием в честь великомученика Дмитрия Солунского...

Дарья дочь Андреева тоже отмучилась... Радостный Василий спеленал долгожданного сына в свою старую рубаху и положил его в люльку. Теперь он настоящий мужчина, ибо родил сына, который с отцом станет пахать, бороться да сеять! Василий качал люльку, а крохотный младенец глядел на него своими тёмными глазками и вдруг заплакал.

– Я покормлю его, – слабым голосом промолвила Дарья. Василий поднёс к ней дитя. Младенец прильнул к материнской груди. «Теперича у нас всё будет хорошо!», – думал Василий, с надеждой глядя в будущее. Но... человек предполагает, а Бог располагает!

Этой крестьянской семье, как и многим другим на Руси, предстояло пройти сквозь страшное испытание моровой язвой...

1353 год. Село Воскресенское.

Скрипнула дверца. В красное оконце месяц светит ясный. Дарья переступает порог избы. Глядь – на столе гроб стоит... Заныло сердце женщины, – она ни жива, ни мертва подходит к столу и вздрагивает: в гробу лежит муж её, облачённый в белую пелену. Страх подкрался и ухватил за горло – тяжело дышать стало, а ноженьки подкашиваются, – вот-вот упадёт Дарья. Василий с печатью смерти на челе вдруг открывает глаза, подымается из гроба и говорит: «Прости меня, голубка моя!»

Дарья зычно крикнула и... проснулась. Глядь – муж рядом на постели лежит, спит беспробудным сном. «Смерть в сей дом постучалась... – подумала женщина. – Незваная гостья одна не уйдёт! Что ж теперь нас ждёт?» Наутро Василий сказал жене:

– От Марьи что-то давно не слыхать вестей, – надобно проведать сестрицу. Приготовь-ка гостинцы. Поеду ныне в Покровское.

Пошёл он кобылку запрягать. Дарья, меж тем, пирогов собрала в узелок и проводила мужа до ворот. Потом воротилась в избу. И тяжело вдруг стало на душе у неё. Глядит Дарья, как старшая Глашка с маленьким Ванечкой играет. Отец смастерил для любимого сына лошадку-качалку. Дитя звонко смеётся...

Глядит Дарья на сына, но вдруг померк свет в её очах, словно вмиг пришла ночь тёмная. Вот, спадает пелена, и взору Дарьи предстаёт поле широкое, окаймлённое дубравами. Вдали на солнце сверкает гладь речная. Тишина. Лишь ветерок гуляет среди деревьев. Природа замерла, словно в ожидании чего-то. Но вот борзо собираются на небе тучи, скрывая солнце из виду. Гром взрывает тишину. Яркая вспышка света озаряет вышину. Поднявшийся ветер пригибает траву-ковыль на поле. На мгновение всё затихает, чтобы взорваться раскатом грома, а серые тучи разрождаются проливным дождём...

Дарья очнулась, – глядь: она посреди избы, на земляном полу возятся её детки в длинных рубашонках. «Что означает сие видение?» – теряется в догадках женщина.

Минула седмица. Василий не воротился от сестры. И тогда Дарья почуяла неладное. Она снесла Ванечку соседке и пошла пешком в село Покровское.

Приходит. Окрест – ни души. Пусто. Даже собаки не лают. Дарья ступила на двор, где жила Марья с мужем, поднялась в сени, остановилась перед дверью в избу и вдруг вспомнила сон, что видела в ночь с четверга на пятницу...

Женщина переступила порог. Скрипнули половицы. Дарья вздрогнула. В углу у печи на лавке сидел её муж.

– Васенька! – обрадовалась женщина и бросилась, было, к нему.

– Не подходи ко мне! – заревел он с лихорадочным блеском в глазах. Дарья остановилась в нерешительности:

– Что с тобой, муж мой?

Он молчал.

– Где Иван и Марья? – вопрошала Дарья.

– Нет паче Марьи! – завопил он. – Никого нет... Один я во всём селе остался! Уходи отсель. Сие проклятое место!

– Какая беда с тобой приключилась, Вася? – не унималась Дарья.

– Скажи сама, – ты ж ведунья! – громко засмеялся он. – Нет, ничего ты не ведаешь! Глянь-ка сюды...

Он вдруг разорвал на себе косоворотку⁵¹, и взору Дарьи явились гнойные язвы у него на груди.

– Что сие? – побледнела она.

– Уходи, жена, отсель, – злобно повторил он.

– Я не оставлю тебя одного, Вася. Я вылечу тебя!

– Никто мне не поможет! Ты должна поднять на ноги деток. Нашего сына Ванечку...

Говорю тебе – уходи!

Василий вдруг побагровел. Кашель вырвался из груди его, – кровавые брызги разлетелись в стороны.

– Не прекословь мне! – закричал он, приходя в ярость, мигом вскочил с лавки и кинулся на жену с ножом в руке. Дарья замерла посреди избы; ноги её словно приросли к полу. Тогда Василий рухнул на колени в шаге от жены своей и горько заплакал:

– Прости меня, Дарья. Любил я тебя...

– Я давно простила, Вася! – молвила она, роняя слёзы. – Моровую язву можно одолеть. Матушка поведала мне о траве целебной, – отвар её поможет тебе.

– Да, как ты не уразумеешь, что язва изнутри гложет меня! – вне себя завопил он и с пола кинулся в угол к печке. – Мне холодно... Зело! Уходи, глаголю тебе...

И тогда Дарья, рыдая, вырвалась из избы. Она бежала всю ночь, позабыв о телеге и лошади, что остались в Покровском. На заре добралась до мужнина дома, – взглянув на спящих дочек, кинулась в чулан, где были её травяные припасы. Среди многих узелков нашла ту самую траву, о коей говаривала ей матушка: «Настанет время тяжкое. Сие снадобье тебе понадобится!». Потом сходила к соседке и, ничего не отвечая на её расспросы, молвила:

– Уважь, кума. Погляди еще денёк за Ванечкой.

Глашке она велела покормить сестёр.

– Камо⁵² ты, матушка? – с испугом спросила девочка.

– Доченька, я скоро вертаюсь, – отозвалась Дарья и снова отправилась в путь.

Муж её лежал на лавке, – по губам его текла кровь, а на ланитах выступали язвы гнойные. Дарья поняла, что опоздала, – опустилась на колени пред божницей и заплакала... Отныне она вдова с четырьмя малолетними детьми на руках!

Вскоре в Покровское вошли княжьи люди, которые вырыли скудельню и побросали в неё мёртвые тела, а село запалили...

---

⁵¹ Косоворотка – крестьянская рубаха с косым воротником (прим. авт.).

⁵² Камо – куда (старослав.).

Глава вторая. Противостояние

1348 год. Литовская Русь. Вильно.

В то лето князь Альгирдас (Ольгерд) призвал брата своего князя Новогрудского и сказал ему такие слова:

– Хочу, чтобы ты, Кориат, послужил Литве... Покуда Кейстут⁵³воюет с немцами, я считаю долгом своим нанести удар на востоке. Князь Симеон Московский часто навещается в ставку Джанибека. Он получил великое Владимирское княжение, а Новгороду навязывает свою волю. Выбить опору из-под его ног – наш священный долг! Коли лишится московский князь поддержки татарского хана, вся Русь нам покорится. Отправляйся, Кориат, в ставку Джанибека и найди нужные слова для хана, дабы убедить его в опасности, что исходит от Москвы. А я для дела сего дела казны не пожалею...

Понадеялся Ольгерд на силу денег, но не учёл он хитрости азиатской и возможности измены в своём стане...

Когда Кориат из Новогрудка с сыновьями и дружиною выдвинулся в Орду, везя щедрые дары для хана Джанибека, его боярин Андрей, весьма недовольный своим малоземельным князем, написал грамотку великому князю Московскому: «Замыслил на тебя князь Ольгерд коварство. Ныне послал он брата своего Кориата к хану Джанибеку с великими дарами, дабы склонить его к союзу супротив Москвы. Княже, не забудь впредь о верном слуге твоём...» Вскоре князь Семён Иванович прочёл сию епистолию⁵⁴, уразумел грозящую опасность и без промедления направил в Орду своё посольство.

Тем временем, Кориат пришёл в Орду и, мысленно проклиная татар, проделал унижительный путь на карачках до ханского престола.

– Дары твои хороши, литовский князь, – одобрительно кивнул Джанибек. – Говори, почто пожаловал.

– С челобитьем на конюха твоего, московского князя Симеона, великий хан, – ответ держал Кориат. – Он, словно змей, притаился и ждёт своего часа, дабы укусить! Почитает он себя князем всея Руси, собирает дань с земель русских, – богатства немалые скопил, одной светской властью не довольствуется, церковной завладеть желает. Митрополит Феогност в его воле пребывает. Великий хан, Москва худое замышляет! Ныне князь Литовский Ольгерд ищет мира и дружбы с тобой. Да соединим наши силы, когда враг сего не ждёт, и опустошим земли князя Симеона, – Москве вовек не оправиться от такого удара...

Отпустил хан Джанибек литовских послов, а следом за ними пришли от князя Симеона киличей⁵⁵ и били челом на Ольгерда:

– Он улусы твои пустошит и полонит. Супротив тебя идти желает!

Надо сказать, Джанибек лишил жизни старшего брата, чтобы занять золотой трон хана Узбека, и не унаследовал от своего отца ничего, кроме его кровожадности. Теперь, выслушав обе стороны, он призвал мать и просил у неё совета:

– Как бы поступил отец мой?

Хатун Тайдула была хитрой и расчётливой женщиной.

---

⁵³ Кейстут – брат Ольгерда, возвёл его на великое княжение Литовское, долгие годы боролся с немецкими рыцарями (прим. авт.).

⁵⁴ Епистолия – письмо, послание (прим. авт.).

⁵⁵ Киличей – послы (прим. авт.).

– Отец твой, – говорила она сыну, – мудро властвовал в улусах своих. Не давал он усилиться ни одному из княжеств на Руси! Правду молвили послы князя Симеона, – подминает под себя Литва улусы твои. Надобно подрезать крылышки князю Ольгерду...

Джанибек в ярости вскричал:

– Повелю казнить послов литовских.

– Нет, – улыбнулась Тайдула, – отец твой поступил бы иначе! Он стравил бы бешеных псов и глядел, как они грызутся меж собой.

Джанибек довольно усмехнулся:

– А выдам-ка я послов литовских князю Симеону. Пожар с искры зачинается!

Вскоре литовский стан окружили кешиктены⁵⁶ Джанибека. Сын Кориата Симеон вбежал в шатёр отца:

– Татары ополчились на нас... Велишь биться с ними?

– Нет, их слишком много! – возразил Кориат. – Не противься злу, сын мой. Господь с нами, авось живы будем.

Тогда в шатёр ворвался коренастый татарин с саблею наголо и объявил ханскую волю...

***

Княжеская дружина шла на подмогу к новгородцам, на которых напал король шведский Магнуш, – весть о ханском пожаловании настигла московского князя под Торжком. Тогда он немедля поворотил в стольный град и приказал, как зеницу ока, охранять пленённых литвинов.

Князь Симеон жил по заповедям отца своего Ивана Даниловича: собирал сугубые подати с изнывающего от поборов народа, исправно платил дань, низко кланялся татарам, частенько наведывался в Орду с богатыми дарами для хана и ханши. Земля московская, между тем, отдыхала от набегов татарских, обрастала новыми сёлами и городами. Люди, устав жить в страхе на рубеже с Великой степью, бежали в пределы московские...

Если Джанибек искал совета у своей хитрой матери, то московский князь, когда нуждался в мудром слове, призывал Алексея, наместника митрополита, который некогда был иноком Богоявленского монастыря. Муж зело хитрый⁵⁷, всяческой премудростью и добродетелями украшенный, – Алексей теперь предстал пред светлые очи князя, который кланялся ему до земли и привычно молвил:

– Прости мя, отче честный, и благослови.

– Благословение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на рабе Божьем Симеоне всегда, и ныне, и присно, и во веки веков, – Алексей осенил князя крестным знаменем.

– Аминь, – отозвался Симеон и приложился к его деснице.

– Христос посреди нас, – сказал с улыбкой на губах Алексей.

– Есть и будет, – отвечал князь, поцеловал его в правое плечо и вновь поклонился.

(Таков исстари был чин благословения, и его неукоснительно соблюдали все от мала до велика, от крестьянина до князя).

– Жду от тебя совета мудрого, отче, – сказал тогда князь Симеон. – Мой отец мечтал о возрождении Руси, о единстве земель русских и завещал мне укреплять Москву. Верил он, что однажды мы сбросим владычество татарское. Я живу, как учил меня отец, и часто бываю в Орде, – всякий раз хан с честью и пожалованием отпускает меня. Теперича он выдал мне

---

⁵⁶ Гвардейцы (прим. авт.).

⁵⁷ За столетья многие русские слова поменяли исконное значение. Слово «хитрость» в былые времена носило положительную окраску. Хитрый – умный, мудрый. Напротив, лесь (прелесь) – обман, хитрость (прим. авт.).

Кориата, брата князя Ольгерда Литовского, который замыслил вкупе с татарами выступить супротив Москвы. Литвины холопами были у пращуров моих, а ныне вотчины у русских князей отымают! Посоветуй, отче, как поступить с Кориатом. Лишить жизни я его не могу, а отпустить не вправе...

Алексий немного подумал и отвечал князю так:

– Лъстив и коварен хан татарский: одной рукой милует, а другой – казнит! Расставил силки птицелов и ждёт, кто в них угодит: орёл али сокол.

– Ты прав, отче, сие подобно ловитве⁵⁸, – согласился Симеон, – будто притаился лютый зверь и ждёт свою добычу. Желает хан сравить Москву с Литвою. Стало быть, надобно отпустить Кориата восвояси...

– Неможно нам, княже, ныне воевать с Литвою, – промолвил Алексий. – Покуда нет сил у нас для сего дела. Аки воздух надобен мир с Ольгердом!

– Правда твоя, отче честный. Ты паки мудрый совет мне дал, благодарствую, – князь почтительно склонился пред наместником митрополита, которому судьбой было уготовлено великое будущее.

Ольгерд опечалился, прослышав о пленении Кориата. Накануне пришла еще одна горестная весть, – об убиении Наримунта: пал брат его младший от руки немецкого рыцаря. Теперь мог потерять Ольгерд и Кориата, – тогда ради брата смирил он свою гордыню и направил посольство к князю Симеону с дарами и грамотой, в коей были такие слова: «Другу моему великому князю Владимирскому и Московскому Симеону Иоанновичу! Ведомо стало мне, что брат мой Кориат находится у тебя. Взываю к твоему великодушию – отпусти брата моего к жене и детям его... Пусть добрая воля твоя знаменует вечный мир меж княжествами нашими!».

Симеон Московский восседал на престоле в одеянии из парчи, вышитой золотыми нитями; на главе его была золотая шапка с меховой опушкой и драгоценными камнями (дар хана Узбека, завещанный Иваном Калитой своему старшему сыну). Пряча улыбку в уголках губ, московский князь выслушал послов Ольгерда и объявил им:

– Мы призовём вас вскорости и дадим ответ, а до тех пор будьте гостями в нашем стольном граде.

– Нам ведать надобно, что жив-здоров князь Кориат, – сказали литвины.

– В добром здравии пребывает он, – усмехнулся Семён Иванович. – Се, наше слово княжеское!

Литовцы остановились в посаде на постоялом дворе и стали ожидать весточки от князя. Прошла неделя, другая, третья... Из дворца – ни слуху, ни духу.

– Лукавый князь, дары принял, ответа не дал! Видать, у хана татарского научился сему, – говаривали литвины. Серебро кончалось у них. Воротились бы в Литву, но опалы от Ольгерда не желал никто.

Спустя месяц князь все-таки призвал во дворец послов литовских и провозгласил свою волю:

– Повелеваем воротиться в родные земли князю Кориату Гедиминовичу, сыновьям его и боярам. Пусть сие знаменует мир и дружбу между Литвой и Москвой.

Вскоре Кориат покинул темницу, где никакой нужды, окромя воли, не испытывал, и получил назад всеivotы свои (имущество). Опречь того, московский князь пожаловал Кориату суму с гривнами серебра.

---

⁵⁸ Ловитва – охота (прим. авт.).

– В мире и любви надобно нам жить, – говорил Симеон, – враждуем мы – радуются враги наши!

– Истинно глаголешь ты, княже, – неискренне согласился Кориат. – Я передам твои слова брату моему...

Кориат шёл на постоянный двор, где остановилось литовское посольство. В тёмном переулке на него вдруг напали лихие люди. Он саблею рассёк одного из них и отчаянно отбивался от двух других. Неизвестно, чем окончилась бы эта схватка, кабы вовремя не подоспели кмети, посланные московским князем. Нападавшие дали стрекоча. Семён Иванович велел произвести дознание. Но вора, павшего от руки литовского князя, не опознали, виновных не сыскали, – истина так и не открылась...

***

Вскоре Ольгерд встречал Кориата за стенами стольного града своего. Братья обнялись.

– Добро пожаловать домой! – улыбался Ольгерд.

– Я слыхал о Наримунте. Как такое могло случиться? – спросил Кориат.

Ольгерд помрачнел:

– Клянусь, мы ещё отомстим за смерть его!

Братья верхом въехали во врата виленского горнего замка, где в тот же вечер Ольгерд закатил пышный пир, на котором Кориат сидел по правую руку от него. Шуты и скоморохи веселили гостей.

– Теперича мир надобен с Москвой, – шепнул Ольгерд брату своему на ухо.

– Что ж, ты паче не мыслишь, что Москва угроза для Литвы? – удивился тот.

– Москва – враг наш и ныне, и присно, как говорят христиане, – возразил Ольгерд. – Но воевать с ней мы не будем, доколе не разделаемся с немцами. Москва возвышается, покуда в Кремле живёт митрополит всея Руси! Но Феогност стар и немощен, – он доживает свои последние дни. Выбьем почву из-под ног князя московского... Но об этом после. Кориат, тебе не кажется, что пора мне снова жениться?

Кориат, захмелев с третьей чарки вина, покатился со смеху:

– Небось, русинку сызнава посватаешь?

– Люблю тебя за сообразительность, Кориат, – усмехнулся Ольгерд. – Но сам подумай – среди подданных моих великое множество руси⁵⁹. Мне нужна княгиня, которую бы приняли они!

– А я думал, тебе просто бабы их глянутся, – смеялся Кориат.

– Тебя, брат, не проведёшь, – промолвил Ольгерд с улыбкой на губах.

– Куда ж ты пошлешь сватов на сей раз?

– В Твери живёт девица Ульяна, свояченица Симеона Московского, дочь князя Александра Михайловича, убитого в Орде...

Пять лет спустя.

Торговые ряды опустели, тревожно звонили колокола, пылали костры на заснеженных улицах и площадях Москвы. В город пришла беда... В посадских избах и боярских хоромах слышались крики и стоны обречённых, женские рыдания и причитания над телами умерших мужей и детей. Похоронные процессии мрачно тянулись по городу. Из церквей доносились горестные песнопения: «Упокой, Господи, души усопших раб твоих!». Город вымирал...

---

⁵⁹ Самоназвание «русские» появилось много позже. А в те далёкие времена наших предков именовали русичи, русь, а в ед. числе – русин (прим. авт.).

Между тем, на смертном одре лежал митрополит Феогност, – лицо грека за последние сутки почернело, осунулось, из груди его время от времени вырывался кровавый кашель. Подле господина своего стоял служка с повязкой на лице, смоченной в чесночном настое.

– Митрополитом на Руси быть владыке Владимирскому... Алексею, – из последних сил выдохнул Феогност и... преставился.

Епископ Алексей стоял в церкви Успения и лил горькие слёзы, – в гробе под белым саваном лежал его наставник и друг. «Как смерть переменяла лик твой, – с грустью подумал новый владыка. – Всё подвержено тлену и разрушению. Скоротечна жизнь человеческая, и как много надобно успеть!»

Князь московский не явился на похороны митрополита, – душою Симеона Иоановича овладел страх, что свёл его с ума: он заперся в опочивальне и никого не желал принимать. Но от судьбы не скрыться! Спустя месяц после похорон митрополита Алексей проводил и князя в последний путь...

Вскоре из Царьграда воротились послы, коих Феогност перед смертью отправил к Патриарху с грамотой о благословении Алексея митрополитом на Руси. Ныне Вселенский Владыка призывал того на поставление...

***

Корабль, гонимый попутным ветром, шёл, рассекая волны. Старец с посохом в руке беспокойно оглядывался по сторонам, – вокруг простиралось бескрайнее синее море. «Не властны мы над собой, в единой воле Божьей пребываем, – размышлял Алексей. – Повели Господь – тотчас подымутся волны морские и опрокинут судёнышко наше!» Но в пути на сей раз обошлось без происшествий.

1353 год. Константинополь. Ромейская империя.

Владыка Алексей в сопровождении свиты из иереев и иноков сошёл на греческую землю, а слуги его погрузили сундуки со скарбом и серебром на повозки. Путь пролегал по мощёным улицам огромного города мимо лачуг городской бедноты. Народу – тьма! И все бегут куда-то. Кругом – лавки. Торгаши зазывают покупателей, расхваливая по-гречески свой товар...

Убогость окраин осталась позади, теперь гордо красовались украшенные портиками каменные дворцы римских вельмож, а высокие мраморные колонны на площадях напоминали о славном прошлом империи и былых победах василевсов⁶⁰. «Неспроста на Руси сей град величают Царственным. Он подобен венцу, усыпанному драгоценными камнями!», – подумал владыка Алексей и вскоре узрел чудный яхонт в короне ромейских императоров, – подобно кораблю на высоких волнах, выплывала величественная святая София. Казалось, собор парит в воздухе и касается огромным куполом неба, – владыка Алексей не раз слышал самые невероятные рассказы о нем, но увиденное превзошло все его ожидания: «Да, правду молвят люди – сие есть чудо из чудес!»

Вскоре наши странники нашли приют в монастыре за городом, где по обыкновению селились паломники из Руси. После скромной трапезы, состоящей из постной каши и ломтя ржаного хлеба, Алексей прошёл в отведённую для него келью, помолился перед божницей с иконой Спасителя, вручил служке своему из греков грамоту для Патриарха и прилёг на жёсткую постелю монашескую...

---

⁶⁰ Василевс – византийский император (прим. авт.).

***

Алексий ступил на двор, обнесённый колоннадою. В притворе он задержался у прекрасной мозаичной картины с ликом Христа, восседающего на престоле, – в Его левой руке – Евангелие со словами: «Мир вам. Я свет миру», – а десницей Он благословляет коленопреклонённого мужа – византийского императора. Одесную⁶¹ от Иисуса Дева Мария в медальоне, с левой стороны – архангел Михаил, небесный архистратиг.

Владыка Алексий осенил себя крестным знаменем, вошёл в храм, пал на колени и коснулся главою пола. Потом он поднялся, огляделся окрест и замер в изумлении: стены в храме были отделаны цветным мрамором и великолепными мозаиками, – на сводах, поддерживаемых тяжёлыми колоннами, летит сонм ангелов и ветхозаветный пророк Илия в огненной колеснице. Дух захватывает, кружится голова! За амвоном в нише – святая святых – алтарь с престолом, где совершается таинство Евхаристии.

В прежние времена пол в храме был выложен золотом, а престол был покрыт драгоценными камнями: яхонтами красными и лазоревыми, зелёными смарагдами и прозрачными алмазами. Однако сто пятьдесят лет назад рыцари-крестоносцы ворвались в Царственный город и разграбили храм святой Софии, вынеся из него всю золотую и серебряную утварь. (А спустя столетье Новый Рим падёт под натиском турок-османов, – с четырёх сторон света окрест собора вырастут минареты, и главный храм православия будет превращён в мечеть Айя-София. Фрески и мозаики на долгие годы скроет толстый слой штукатурки⁶²).

– Алексий, – донёсся тихий глас. Старец очнулся как бы от забытья, – пред ним стоял муж в диаконском облачении:

– Меня зовут Георгий, – я ризничий Великой церкви. Его Всесвятейшество ждут вас. Последуйте за мной.

Вскоре они поднялись по каменным ступеням на верхний ярус собора в палаты Патриаршие, где жил Вселенский Владыка, проходили заседания синода и принимались судьбоносные для православной церкви решения.

В это время патриарх восседал на престоле, будучи в зелёной мантии и белом клобуке.

– Приветствую тебя, Всесвятейший Владыко, – низко кланялся Алексий.

– Рад видеть тебя, Алексий, на ромейской земле, – снисходительно улыбнулся Патриарх. – Наслышан о праведном житии твоём! Феогност, Царствие ему Небесное, хвалил тебя зело. По преставлении его овдовела митрополия Киевская. Руси надобно нового пастыря поставить. Однако до сих пор церковь православная хранит обычаи, в том числе соборного принятия решений. Мудрейшие мужи церкви из Всесвятейшего синода не оставят митрополию всея Руси без пастырского наставления. Запасись терпением, Алексий, и воздастся тебе сторицей...

Далее патриарх Филофей намекнул Алексею, что далеко не всем среди его окружения угодно видеть на Киевской кафедре митрополита из русичей. (Феогност был греком, как и большинство его предшественников). Алексий воротился в монастырь и долго в своей келье молился пред божницей.

Потянулись томительные дни ожидания. Каждую седмицу посылал Алексий слугу-грека в патриарший собор и всякий раз получал один и тот же ответ: «Синод решает сей вопрос».

---

⁶¹ Одесную – справа (десница – правая рука), ошуюю – слева (шуйца – левая рука) – прим. авт.

⁶² Ислам запрещает изображения людей и животных в мечетях (прим. авт.).

***

Полгода минуло с тех пор, как русская делегация ступила на греческую землю, но дело так и не сдвинулось с мёртвой точки. Однажды, когда Алексей произносил ежедневное молитвенное правило, раздался стук в дверь кельи его. Вошёл молодой инок:

– Отче, посланец к тебе от Всесвятейшего Патриарха.

Алексий узнал в пришедшем муже диакона Георгия, ризничего собора святой Софии.

– Христос посреди нас, – молвил Георгий.

– Есть и будет, – отозвался Алексей.

– Не угоден ты епископам греческим, – вдруг заговорил Георгий. – Не хотят они видеть тебя митрополитом на Руси. Старца с Афона поставить желают. Всесвятейший Патриарх прислал меня к тебе, дабы совет дать, как должно поступить. Князь московский Иоанн Иоаннович в грамоте своей ходатайствует о тебе. Коли, не скупясь, пожертвует он святой церкви, епископы встанут на твою сторону...

Алексий понял, что надобно синоду патриаршему, и в очах его блеснул луч надежды:

– Благочестивый князь московский наипаче жаждет спасения своего, посему ныне он прислал щедрое пожертвование на нужды Святой Апостольской церкви в Царьграде...

Георгий усмехнулся:

– Я, как ризничий Великой патриаршей церкви святой Софии, готов принять сие пожертвование.

И тогда Алексей велел слугам своим выдать привезённое из Руси серебро диакону Георгию, потом воротился в келью и прилёг на постель. Недобрые мысли в его голове родились: «Они не приглашали меня на заседание синода, они не видели и не слышали меня. Злато да серебро – токмо сие им надобно было! Видать, недаром молвят на Руси, будто греки торгуют церковными должностями⁶³».

Тяжко было старцу Алексею принимать лицемерие греческих иерархов. Но ведал он и другое. После полувека владычества латинян патриархия Константинопольская едва сводила концы с концами. Богатства, накопленные за многие столетия, были разграблены, владения, а вкупе с ними и многочисленная паства, потеряны. По мере ослабления цезарей теряла власть и церковь...

Беды одна за другой рушились на Ромейскую державу. Междоусобицы раздирали страну на части, – не первый год шла борьба за власть между императорами Иоанном Кантакузиным и Иоанном Палеологом. Кантакузин привёл на греческую землю турок-османов и захватил стольный град. Генуэзцы извлекли выгоду для себя из имперской замятни⁶⁴ и прочно обосновались в Галате⁶⁵, обнеся её крепостными стенами. Чума 1348 года выкосила половину населения Константинополя. А в то лето, когда Алексей ступил на греческую землю, турки-османы проникли в Европу и заняли крепость Галлиполи. Это было начало конца Ромейской державы...

Вскоре патриарх призвал Алексея.

– Всесвятейший синод принял соборное деяние, иже утверждено мною, – говорил Филофей. – За добродетельное житие и прочие духовные доблести быть тебе, Алексей, епископ Владимирский, митрополитом Киевским и Всея Руси!

---

⁶³ Симония – торговля церковными должностями, – по имени волхва Симона, который пытался за деньги приобрести Божественный дар; весьма частое явление в Средневековой Европе (прим. авт.).

⁶⁴ Замятня – смута (прим. авт.).

⁶⁵ Галата – предместье Константинополя на побережье залива Золотой рог (прим. авт.).

– Благодарствую, Всесвятейший Владыко, – поклонился Алексей. – Позволь мне слово молвить.

– Говори, Алексей.

– Всесвятейший, митрополит Максим перенёс кафедру из разорённого и беспокойного Киева во Владимир-на-Клязьме. Стольный град Киев стоит на рубеже с Великой степью. Что ни лето, кочевые орды приходят и пустошат киевские пределы, грабят, в полон уводят людей православных. Суровая нужда побуждает меня просить тебя утвердить перенос кафедры из Киева во Владимир...

– Сие разумно, – отозвался Филофей. – Прощение твоё, Алексей, синод рассмотрит. Думаю, ты можешь надеяться на скорый положительный ответ.

– Благодарствую, Всесвятейший Владыко, – с поклоном проговорил Алексей. Он покинул палаты Патриаршие и долго молился в соборе святой Софии:

– Господи, благодарствую за милость Твою, что не забываешь раба своего! Спаси Русь Святую от иноземцев: литовцев, немцев да татар и ниспосли нам князя, дабы восстановил он единство земель русских!

Подле Алексея стоял некий простолюдин, и видел старец, как собирает тот грек пальцы в щепоть и крестится тремя перстами, и пронеслось в мыслях его: «Грех-то какой! На древних иконах Христос неизменно благословляет двумя перстами».

Тогда ещё не знал Алексей, что его борьба за митрополичью кафедру только началась...

1350 год. Литва. Вильно.

Тем временем, Ольгерд женился на тверской княжне Ульяне. И вскоре к его двору вместе с невестой прибыл епископ Роман. Происходил он из знатного тверского рода и, как все дети боярские, должен был служить, но, не желая кровь свою проливать на поле брани, отроком покинул мир и ушёл в монастырь, куда заглянул однажды князь тверской. Побеседовав со старцем, который умел медоточивые речи говорить, князь пригласил его служить в дворовой церкви. И тогда Роман был возведён в сан священства, а вскоре сделался духовником княжны Ульяны. Но понимал хитрый старец, что Тверь после опустошительных набегов татарских ослабла, Литва, напротив, набирала силу свою, посему он отправился в Вильно. С князем Ольгердом, который был тайным христианином, Роман быстро нашёл общий язык: их объединила ненависть к Москве.

– Князя московские пресмыкаются перед нехристями и приводят татарские рати на тверские земли. По вине Ивана Московского погиб князь Александр Михайлович. Одно лишь твоё великое княжество Литовское способно сбросить с Руси владычество иноземное!

– Истинно так, отче, – усмехался Ольгерд. – Литва до сих пор платит дань Джанибеку, но скоро я положу сему конец. Мы объединим все русские земли и сокрушим кочевые орды. Но прежде Москву уничтожим..., не пролив ни капли крови христианской!

Лето 1354 года. Константинополь.

В те дни, когда в очередной раз горела Москва деревянная от свечи копеечной, в Царьград пришли послы литовские, а к Алексею, который с грамотами от патриаршего синода собирався в обратный путь, явился Георгий, назначенный экзархом⁶⁶русской митрополии, – тот взволнованно проговорил:

– Владыко, нельзя нам ныне уходить!

– Отчего же? – удивился Алексей. – Что стряслось?

---

⁶⁶ Наместник, помощник митрополита. Алексей не был византийцем, потому к нему приставили помощником грека (прим. авт.).

– Некий епископ Роман приходил днесь к Патриарху, а накануне посетил членов синода. И был он у них не с пустыми руками... – сообщил Георгий.

– Почто он являлся к Патриарху? – нахмурился Алексей.

– Кафедрой твоей желает завладеть!

– Патриарх не может отменить принятое ранее соборное деяние, – неуверенно промолвил Алексей.

– Владыко, всегда можно сделать так, чтобы были и овцы целы, и волки сыты, – возразил Георгий, который был греком до мозга костей, в совершенстве овладел присущими сему народу хитростями и понимал, что сыскать лазейку в писаной грамоте для человека с головой на плечах не составит труда...

И тогда владыка Алексей решил повременить с возвращением на Русь, а на другой день наведался в собор святой Софии, однако Патриарх заставил его долго ждать приёма.

– Ведомо мне, что некий муж литовский желает занять кафедру митрополита Киевского и всея Руси, – начал Алексей, представ пред очи Филофея, – я верю, Всесвятейший Владыко, что приговор синода останется в силе...

– Соборное деяние не подлежит пересмотру, Алексей – ты митрополит Киевский и всея Руси. Роман же отныне митрополит Литовский и Малой Руси⁶⁷, – отвечал, как отрезал патриарх Филофей.

Алексий выслушал перевод толмача и с ужасом понял, что речь идёт о разделе русской церкви.

– Всесвятейший Владыко, – воскликнул он, – единство церкви есть наиважнейшее условие для объединения княжеств русских! Власть цезарей неуклонно слабеет, – враги обступили Новый Рим со всех сторон. Турки с востока грядут. Католики Галату захватили. Токмо единая Русь способна спасти от краха Ромейское царство, от коего восприняла веру православную!

– Сие есть воля Всесвятейшего синода, – мрачно отозвался Филофей, поднимаясь с престола своего.

Алексий побагровел, но сумел сдержаться от выплеска гнева. У патриарших палат он столкнулся лицом к лицу с Романом. Они узнали друг друга и обменялись парой ласковых слов.

– Ты русин, а служишь язычнику, – промолвил Алексей. – Иуда...

– Татарский холуй! – в ответ прокричал Роман.

Алексий спешил покинуть святое место, в мыслях проклиная греков: «За золото и серебро они матерей родных продадут. Надобно во что бы то ни стало сохранить единство митрополии на Руси!» В обители Алексей помолился и попросил у монахов лист пергамента, гусиное перо и чернила. При свете лучины писал он послание на Русь:

«Владыке Тверскому Феодору. Здравствуй на многие лета, брат Феодор! Пишу тебе из Царьграда. По рукоположении моём в соборе святой Софии прибыл в город некто Роман из Литвы от князя Ольгерда. Посулом великим⁶⁸ он склонил на свою сторону синод патриарший: епископы греческие порешили русскую митрополию разделить на части. Во имя Святой Руси и единства нашей церкви православной прошу тебя собрать подать со всего священства и отослать мне в Царьград. Митрополит Киевский и всея Руси Алексей».

Тем временем, от Патриарха выходил Роман. Надо сказать, и он остался недоволен приёмом Вселенского Владыки: «Князь не обрадуется, что Киев у Москвы остаётся. Что же делать? Золото кончилось. Ох, и лукавые эти греки! Посулили много, подали мало. Надобно серебро. А где его взять? А напишу-ка я тверскому епископу епистолию. Пусть думает, будто меня поставили митрополитом на Руси».

---

⁶⁷ Малая Русь – в 14 веке так именовались галицко-волинские земли. В более позднее время – вся Украина (прим. авт.).

⁶⁸ Посул – взятка, обещание (прим. авт.).

1354 год. Тверь.

В те дни епископ Феодор оказался в крайнем затруднении: к нему пришли послы сразу от двух митрополитов. Тяжко задумался владыка: «Как поступить? Они оба повелевают собрать дань со священства. Се, я соберу токмо для Алексия, а ежели окажется, что митрополитом поставлен Роман?»

Однако, поразмыслив, епископ нашёл выход из затруднительного положения, – он разослал по приходам грамоту, в коей истребовал сугубой дани. И тогда тяжесть великая настала для чина священнического! Но иереи тоже вскоре нашли решение, переложив на плечи народа подать митрополичью: плата за требы выросла вдвое. Приходы церковные обеднели, но повеление владыки было исполнено, – отправил он серебро обоим митрополитам.

Греки дары охотно приняли и... подтвердили прежние установления. Оба соперника воротились на Русь. Алексий не добился единства митрополии, но и Роман не получил того, за чем приходил в Царьград. Тогда, не желая попасть в опалу к Ольгерду, он направился в Киев...

Осенью 1354 года владыка Алексий вошёл в погоревшую Москву, которая встречала нового митрополита радостным колокольным звоном. На Кремлёвскую площадь высыпал народ. Митрополит шествовал по мостовой в белом клобуке и голубой мантии, опираясь на посох, и крестным знаменем благословлял православный люд, который метал поклоны пред архипастырем своим.

Тем временем, князь Иоанн Иоаннович сошёл с красного крыльца, пал ниц и, поднявшись с земли, промолвил:

– Прости мя, владыко святой, и благослови.

– Благословение Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа на рабе Божьем Иоанне... Христос посреди нас.

– Есть и будет, – князь Иван вновь поклонился до земли владыке, и они вдвоём поднялись на крыльцо.

– Узрел я горе народное, покуда чрез Москву шёл, – молвил митрополит Алексий, опускаясь на лавку в палате престольной. При сих словах тень печали легла на прекрасный и кроткий лик князя⁶⁹.

– Да, владыко, погорела Москва сим летом. Тринадцать церквей погибло в пламени огненном! – сокрушался Иван Иванович. – Слава Богу, Кремник уберегли. В день тот я был на ловитве соколиной. Глядь – зарево явилось над Москвой. И уразумел я тогда, что беда новая пришла! Вскоре прискакал и гонец от Алексея Петровича Босоволкова. Я борзо в город воротился и будто в преисподней очутился... Посадские избы, церкви деревянные огнём объята. Страсть-то какая! Поднялся ветер буйный, – огонь мечется по городу, с кровли на кровлю перескакивает. Дым. Крики, слёзы, беготня... Скажи, отчего так много страдания в мире сем, владыко?

– Пути Господни неисповедимы⁷⁰, сын мой, – вздохнул Алексий. – Промысел Божий человеку не ведом. Но жизнь не стоит на месте. Возрождается посад. Пепелища расчищены, новые избы срублены. Наш человек не мыслит жизни вне общества. Как говорят в народе, верёвка крепка с повивкой, а человек – с помощью. Купно строим, купно живём. Даст Бог, перезимуем, а весной церкви возводить начнём...

– Истинно глаголешь, владыко, – молвил князь, – ведаю я, что держало тебя в Царьграде целый год. Но хорошо всё то, что хорошо кончается!

---

⁶⁹ Сын Ивана Калиты вошёл в историю как Иван Красный (красивый), кроме того, летописи его именуют кротким и тихим (прим. авт.).

⁷⁰ Неисповедимый – непостижимый, неизречённый (прим. авт.).

– Нет, княже, – качнул головой Алексей, – все токмо начинается! Кознями литвина Ольгерда раскололась русская митрополия надвое. Но не успокоится он, покада не приберёт к своим рукам всю Русь. Ему, язычнику, не церковь, но земли наши надобны...

– Владыко, – вздохнул князь, – немало полегло люда служилого от моровой язвы. Не можно нам ноне воевать, тем паче с Литвой! Просить хотел тебя, владыко. Дмитрию моему завтра четыре годка исполнится. Ждал твоего пришествия, владыко, дабы первый его постриг совершить...

12 октября 1354 года. Москва. Успенский собор.

Темно-русый кудрявый мальчик в шёлковой сорочке и портах бойко крестился пред аналоем, где лежали Евангелие, крест золотой и ножницы серебряные. Брат владыки Алексея княжий боярин Александр Плещей, будучи подле него, возносил тихую молитву Богу за своего крестника. Князь Иван Иванович, тысяцкий Алексей Петрович, боярин Василий Васильевич и иные князьи мужи стояли позади них в храме.

– Благословен Бог наш всегда, ныне, и присно и во веки веков, – провозгласил митрополит. – Святы́й Бже, Святы́й крепкий, Святы́й бессмертный, помилуй нас. Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и ныне, и присно во веки веков.

Молитва «Отче наш» окончилась призывом: «Приидите, поклонимся Цареву нашему Богу!». И люд православный, не исключая и князя, опустил на колени и коснулся главою пола. «Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу. Всякое дыхание да хвалит Господа. Просим Тя сподобиться слышанию Святого Евангелия. Мир всем!» – митрополит раскрыл Евангелие и читал: «Исус вознегодовав и сказал: Пустите детей приходити ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие. Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдёт в него... В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Исус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, коли не обратитесь и не будете аки дети, не войдёте в Царство Небесное; итак, кто умалится, как сие дитя, тот и больше в Царстве Небесном».

Далее, положив Евангелие на аналой, митрополит осенил золотым крестом Дмитрия. Отрок с волнением целовал поднесённый крест. Затем дядька Плещей серебряными ножницами состриг кудри с главы Дмитрия. Отрок видел, как падают на пол каменный власы его, и детская наивная жалость родилась в сердце у него. Он помнил, как матушка говаривала: «Дитячко моё кудрявое, до чего ж прекрасен ты и как на батюшку своего похож!» «А вдруг матушка перестанет любить меня как прежде?» – подумал отрок. Глаза у него заблестели, и по лицу потекли слёзы...

Древний обряд подходил к концу⁷¹. Плачущего постриженного мальчика вывели из храма и посадили на коня вороного. Люди на площади возликовали:

– Да здравствует князь Иван Иванович! Да здравствует княжич Дмитрий Иванович!

Дмитрий в первый раз сидел на лошади, – он перепугался и крепко вцепился в конскую гриву. Тогда Плещей засмеялся и, подхватив отрока на руки, поставил его наземь. Как только Дмитрий оказался на деревянной мостовой, он бросился во дворец, – прибежал к матери и кинулся в её объятия.

– Сынок, отчего ты плачешь? – спросила княгиня Александра, отложив рукоделье в сторону.

– Матушка, скажи, ты меня любишь? – спросил отрок, рыдая.

– Я всегда буду любить тебя, дитячко, – отвечала мать.

---

⁷¹ Языческий обряд пострига младенцев мужского пола распространён был в княжеской и боярской среде. Со временем церковь освятила сию традицию (прим. авт.).

– А как же власы мои? У меня теперича нет кудрей, – огорчённо промолвил отрок. Княгиня засмеялась в голос:

– Дитяtko моё, я люблю тебя как прежде. Не бойся, они еще отрастут у тебя.

– А как же в песне поётся? «Я за то люблю Ивана, что головушка кудрява», – сказал отрок, вытирая слёзы.

– Да где ж ты слышал песню сию? – удивилась княгиня.

– Ключница пела в горенке, – молвил отрок. И тогда вволю смеялась княгиня, лаская сыночка своего возлюбленного. И покуда князь пировал с боярами, празднуя переход сына-наследника в отроческий возраст, Димитрий сидел подле матери и наблюдал, как она вяжет ему шерстяные рукавички.

В том же году княгиня Александра родила второго сына, окрещённого Иваном. Но мать мало занималась своим чадом, – вспоенный и вскормленный холопкой он проживёт недолгую жизнь. Ивана Малого заберёт чума в возрасте десяти лет...

Год спустя. Москва.

Слуги унесли огарки и зажгли от лучины новые свечи, – в доме боярина Василия Васильевича не спали до поздней ночи...

Некогда князь Иван Данилович даровал в кормление Протасию Вельяминову место тысяцкого. С тех пор сия должность переходила от отца к сыну и почиталась наследственным достоянием рода. Боярин Василий Васильевич прежде служил московским тысяцким. Но с уходом в мир иной князя Семёна не лучшие времена настали для Вельяминовых! Иван Иванович поставил тысяцким Алексея Петровича Босоволкова, который успел доказать свою преданность новому московскому князю, – Вельяминовы теряли своё влияние при дворе. И с этим надо было что-то делать... Теперь под покровом ночи мужи из славного боярского рода сошлись, чтобы решить, как быть далее.

– Коли князь не оказывает нам, своим верным боярам, должного почтения, надобно сыскать иного князя. Вольны мы выбирать, кому служить, – говорил Фёдор Воронеж. – Поедемте, братья, в Рязань, – к князю Олегу Ивановичу на поклон. По слухам, бояре тамо в великом почёте живут. Слаб московский князь. Рязанцы повоевали Лопасну⁷² да ещё держали его наместника Михайла Александровича в сырой клети! А батюшка наш Иван Кроткий смолчал, не отомстил за поругание, так и отдал землю московскую Рязани.

– Негоже нам уподобляться Алёшке Хвосту, братья, – возражал окольный Тимофей. – Ещё дед наш служил московскому князю. Не можем мы, словно крысы, бежать в другие земли!

– Ты бы помолчал, Тимофей, – осадил его Фёдор Воронеж, – ведаем мы, как обласкал тебя князь Иван. То-то ты не хочешь покидать Москву!

– Братья, не будем которатися, – остановил начавшуюся ссору Василий Васильевич. – Нам надобно сыскать правду у князя.

Фёдор Воронеж криво усмехнулся:

– Добро, брат... Подашь ты челобитную, дескать супротив царя Алексей Петрович восстаёт, призывает дань не платить татарам, того гляди, накличет беду на Москву. Токмо челобитье твоё по тебе ж и ударит! Князь верит Босоволкову, а во власти того вся Москва ноне, – посадский да торговый люд за него горою встанут.

– Как же нам поступить, братья? – осведомился тогда Василий Васильевич. – Не можем же мы смириться с поруганием роду нашему!

– Судить Хвоста надобно, но судить по древней Правде – Закону русскому. Самозванный боярин без роду и племени – он нанёс обиду великую всем нам, Вельяминовым! – в ярости

---

⁷² Лопасна – московская волость с торговыми путями, занятая Рязанью (прим. авт.).

вскричал молчавший доселе Юрий. – Тебе, Вася, удобно совершить правосудие: не забыли тебя дружинники его! Не будет Хвоста, князь тебя поставит тысяцким...

От младшего брата никто не ожидал подобных словес. За столом повисла тишина. Тяжко призадумались благородные мужи. Бежать с насиженных мест, терять сёла да волости, дарованные в кормление, не хотелось никому. Фёдор Воронеж и тот замолчал. Уразумел он тяготы, которые ожидают на службе у другого князя. Боярин Босоволков по прозвищу Хвост места у них при дворе отнимает... Нет, сему беззаконию надобно положить предел. Он заслуживает тяжкой кары!

Василий Васильевич первым нарушил молчание:

– Истину глаголешь ты, брат. Босоволков несправедно стал тысяцким, клеветает на нас, а князь слушает его. Покуда он при дворе, нам житья не будет!

***

Осенью 1355 года на митрополичий двор явились посланники от нового патриарха – Каллиста. Владыка Алексей выслушал греков и задумался: «К сожалению, прав я оказался – началось... Без помощи не обойтись!» Он отправился на княжий двор и, благословив Ивана Ивановича, говорил так:

– Просителем ноне я к тебе, княже. Вызывает меня новый Вселенский Владыка на суд. Паки Роман воду мутит, – шлёт челобитные на меня. Но сам знаешь, княже, с пустыми руками в Царьград негоже ходить...

– Разорение одно от этих путешествий, владыко, – недовольно поморщился Иван Иванович, – что к хану на поклон, что к патриарху на поставление!

Митрополит знал, какие слова не оставят князя равнодушным, и сказал:

– Княже, может так статья, что синод отдаст митрополию Роману, а тогда Ольгерд владычество своё утвердит на всей Руси...

Тем временем, митрополит Роман посетил императорский дворец во Влахернах⁷³ и щедрым посулом обрёл расположение василевса Иоанна Палеолога.

Месяц спустя в Царьград прибыл владыка Алексей. На сей раз он не стал ждать приглашения и первым делом явился к синодальным епископам с дарами – золотой и серебряной утварью из княжьей казны. Греки приняли дары от обоих митрополитов, но решить дело должны были в пользу одного из них.

В назначенный день Алексей и Роман явились в собор святой Софии. Они стояли в храме, молились и делали вид, будто не замечают друг друга. Патриарший бирич⁷⁴ вскоре громко объявил:

– Митрополит Киевский и всея Руси Алексей и митрополит Литовский и Малой Руси Роман.

Патриарх Каллист восседал на высоком престоле, а лавки вдоль стен заняли члены синода со святительскими посохами в руках. Дьяк зачитал челобитную Романа:

–...Святую кафедру киевскую сей митрополит Алексей бросил, православный люд оставил без пастырского благословения. Посему прошу Всесвятейшего Патриарха и синод Святой православной церкви низложить Алексея с митрополии Киевской и всея Руси.

– Владыко Роман, ты не отказываешься от своего челобитья? – равнодушно осведомился Каллист.

---

⁷³ Влахерны – пригород Константинополя (прим. авт.).

⁷⁴ Глашатай (прим. авт.).

– Нет, Всесвятейший, – отвечивал Роман. – Алексей не достоин кафедры митрополии всея Руси!

– Владыко Алексей, что ты скажешь в своё оправдание? – спросил Каллист.

– Вселенский Владыко и почтеннейший синод, – молвил тогда Алексей, – год назад патриарх Филофей поставил меня митрополитом Киевским и всея Руси. Обаче в Константинополе вдруг появляется сей человек с грамотой от литовского князя Ольгерда, язычника, который повелел мучить и казнить троих православных христиан – Иоанна, Антония и Евстафия. Патриарх Филофей его рукоположил митрополитом Литовским и Малой Руси. Я покорился сему постановлению, хотя митрополия русская оказалась расколотою надвое. Теперича сей человек взводит на меня поклёп, якобы я оставил свою киевскую паству, – всем ведомо, что митрополит Максим полвека назад перенёс митрополичью кафедру из Киева во Владимир-на-Клязьме. Приговором же Всесвятейшего синода местом пребывания митрополита Киевского и всея Руси определён был город Владимир. Се, грамота...

Алексий развернул пергаментный свиток и прочёл: «Посему настоящим соборным деянием повелеваем в Духе Святом чрез нашу соборную грамоту, дабы как сей святейший митрополит Киевский и всея Руси, так и все преемники его пребывали во Владимире и имели Владимир своею кафедрою неотъемлемо и неизменно навсегда. Но пусть и Киев числится собственным их престолом и первою кафедрою архиерея...»

Роман, коему не было ведомо о сей грамоте, побледнел и в бессильной ярости крикнул:

– Отчего ж тогда митрополит Алексей живёт в Москве, а не Владимире?

– Милостивый государь, – отвечал Алексей, не повышая голоса, – с пастырским словом я обхожу многие города и сёла родной страны. Осмелюсь спросить – а чем вы занимались всё это время? Мне ведомо, из Киева вас прогнали... Всесвятейший синод, сей человек поставлен был митрополитом Литовским, но нарушил пределы своей митрополии и ходил в Киев, где его не приняли. Он именует себя митрополитом всея Руси, – сие нарушает соборное деяние прошлого лета месяца июня тридцатого дня...

Спустя неделю греки подтвердили прежние соборные деяния, – за Алексием закреплялась митрополия Киевская и всея Руси, за Романом – литовская и волынская. Оба митрополита отправились восвояси. Но Роман был не из числа тех, кто так просто сдаётся!

3 февраля 1356 года. Москва. Кремль.

Тёмной ночью тысяцкий Алексей Петрович Босоволков вертался домой с пира княжьего, на котором стольники потчевали ставленным мёдом гостей званых. Захмелел тысяцкий, – теперь шёл, пошатываясь, и мечтал поскорее приютиться в избе на тёплой печи, – благо, идти было недалече: после пожара хоромы отстроил он себе в Кремле.

В это время на небе из-за туч появилась бледная луна, и в потоке тусклого света мелькнули тени... В очах боярина блеснул клинок, – тотчас адская боль пронзила грудь его. Тысяцкий схватился за рукоять сабли, но не смог извлечь её из ножен. Он силился что-то сказать, а из отверстых уст его хлынула кровь.

– Ты... – прохрипел тысяцкий, признав своего убийцу, и замертво пал на обледенелую мостовую.

Благовестили заутреню. Ключница с княжьего двора шла в церковь Успения Богородицы. Глядь – на площади лежит человек. Тогда она приблизилась и пронзительно вскричала:

– Убили! Алексея Петровича убили...

Окест мёртвого тела тысяцкого вскоре собралась толпа. И люди по старому вечевому обычаю стали совет держать:

– Никак бояре справились с христовеньким?

– Оне, оне, боле некому. Собаки, власть хватят всю себе имать!
– Может, лихие люди какие напали?
– Да где же сие видано, чтоб на площади Кремлёвской людей резали?! Чай, сторожа на стенах! Знать, свои порешили...
– Точно, рука боярская. Видать, Вельяминовы все не могут успокоиться!
Вскоре появились княжи слуги и, растолкав людей в стороны, унесли тело Босоволкова.

Весть об убиении тысяцкого за считанные часы разлетелась по городу. Утром на торгу за Москвой-рекой купцы клич подняли:

– Народ православный, сей ночью бояре убили тысяцкого Алексея Петровича. В своём желании облегчить тяготы людям был он всем заступником великим! Теперича бояре власть приберут в свои руки, и придёт в наши дома разорение, – глад да нищета. Вспомните заветы пращуров. Всем же миром навалимся на своих обидчиков!

Вскоре забил колокол набатный. Горожане позабыли о торговых делах своих. Площадь загудела, словно встревоженный улей. Люди горланили всякое, но сходились в одном:

– Не попустим злу вершиться в граде нашем, – покараем душегубов!

На стихийном вече решили идти на боярские хоромы... Но народ на площади был неоднородным, – слуги боярские, пришедшие на торг по своей надобности, побежали и господ предупредили. Боярин Василий Васильевич схоронился за высокими стенами своего двора, и к князю в Кремль послал он гонца за подмогой. Дружинники боярские приготовились к обороне...

Мятежная толпа, тем временем, подступила к хоромам Вельяминова, но натолкнулась на дубовые ворота с крепкими запорами. И тогда люди повалили древо, обрубив топорами ветки и пошли с самодельным тараном на приступ.

Однако в бунтовщиков полетели стрелы со стен, где притаилась дружина боярская. Люди тотчас бросили бревно и кинулись наутёк. Вскоре подоспела княжья дружина. Всадники настигали посадских и рубили их на скаку...

Так, окончился мятеж на Москве в лето 6864 от сотворения мира. Вскоре Вельяминовы бежали из Москвы в Рязань...

Полгода спустя. Москва.

Пришёл на митрополичий двор посол из Орды от ханши Тайдулы, – занедужила царица, звала митрополита, дабы излечил её молитвой своей. Испугался владыка Алексей, но вида не показал и стал собираться в путь дальний. В тот же день в Успенском соборе отслужил он молебен о здравии Тайдулы: говорят, во время произнесения ектении вдруг сама собой зажглась свеча у гроба святителя Петра...

Алексий велел свечу ту раздробить на части и раздать людям, которые пришли на богослужение, а из одной части изготовить меньшую свечу. Её он взял с собою в Орду...

В степной ставке хана.

Джанибек воротился с победой из Тебриза, оставив там наместником своего старшего сына Бердибека. Но омрачена была радость его известием о болезни матери (к старости всемогущая царица ослабла глазами).

Теперь сын посетил больную мать, но она не узрела его. Возлежала ханша в веже своей на лебяжьей постели.

– Слово пеленой застланы очи мои, тьма скрыла лик твой от меня, – жаловалась Тайдула сыну. – Приходил шаман, бил в бубны, к духам взывал; потом мула читал молитвы подле меня, а еще знахарка поила меня настоем степных трав. Не помогли они. Но есть надежда, мальчик мой. Давеча видела я сон, – будто русский поп в золочёных ризах исцелил меня...

- О ком ты глаголешь, матушка? – удивился Джанибек.
- О митрополите Алексии, – отвечала Тайдула. – Несколько лет тому назад держал он путь в Константинополь: не было тогда тебя в Сарае, и моим именем выписали ему грамоту проезжую. Сказывают о нем, что zelo благочестив, – Бог таких любит и внемлет их молитвам!
- Коли желаешь, матушка, повелю ему прибыть сюда.
- Я уже отправила гонца в Москву, Джанибек...

***

Тяжко было митрополиту Алексию идти в Орду, – разумел он: коли не излечить царицу, живым не воротиться на Русь! Сидя на возу, владыка непрестанно мыслью обращался к Богу в ектении о здравии для Тайдулы: молитва, что от чистого сердца исходит, достигает Господа прежде всего!

Путь пролегал через бескрайние цветущие поля, утопающие в солнечных лучах. Слабый ветерок веял свежестью и прохладой. Владыка Алексей вдохнул опьяняющего воздуха в грудь, и немного отлегло у него от сердца. Но что там вдали? Тревога вновь легла на бледное чело митрополита. Впереди появилось облако пыли, а вскоре показались всадники.

– Что за люди? – прокричал по-кыпчакски подъехавший татарин.

– Из Руси путь держим к великой хатун Тайдуле, – отвечал посол ханский. И тогда конный разъезд татарский сопровождал Алексея и спутников его в становище.

Митрополит оглядывался окрест и видел многочисленные стада и табуны на широких степных просторах. Повозка въехала на пригорок, и взору Алексея открылось зрелище великого кочевого города. Сверкала в лучах солнца высокая златоверхая вежа, что стояла посреди сотен юрт и кибиток.

Джанибек принял русского первосвященника и сказал ему:

– Коли излечишь мать мою, награжу тебя по-царски, а не излечишь – пеняй на себя!

Митрополита провели в юрту ханши. Тайдула говорила, а толмач переводил:

– Помогите мне. Я утратила зрение, но не способность видеть сны. Вы явились мне в одеждах, сияющих словно солнце. Я велела изготовить их. Что, oprичь сего, вам надобно?

– Огнь и воду, – отозвался Алексей.

– Слушайте его, – велела Тайдула своим служанкам.

Тогда, облачившись в златую ризу и митру с меховой опушкой, владыка Алексей зажгёт от лучины свечу, изготовленную из воска той, что возгорелась у гроба святителя Петра, – горящею свечой он трижды крестообразно осенил чашу с принесённой водою и провозгласил:

– Велий еси, Господи, и чудна дела Твоя, и ниединоже слово довольно будет к пению чудес Твоих. Ты убо, Человеколюбче Царю, прииди и ныне наитием Святаго Твоего Духа, и освяти воду сию. И даждь ей благодать избавления, благословение Иорданово: сотвори ю нетления источник, освящения дар, грехов разрешение, недугов исцеление, демонов всегубительство, сопротивным силам неприступную, ангельския крепости исполненную...

Крестом Животворящим владыка Алексей освятил воду в чаше, – той водой окропил немощную женщину и долго возносил благодарственные псалмы и молился про себя, дабы прозрела она и поднялась с ложа своего. Вскоре русский митрополит настолько погрузился в свою молитву, что отрешился от всего земного, – он даже позабыл о том, где находится, и вздрогнул – при звуке шагов за спиной... Владыка Алексей обернулся и увидел татарскую царицу – в её глазах стояли слёзы, – Тайдула прозрела...

– Воистину, как во сне ты, отче... – шептала она на своем языке, глядя на первосвященника.

Свершилось чудо, о котором в Орде, впрочем, вскоре забыли... Митрополиту и его спутникам поставили юрты неподалёку от златоверхой вежи и поднесли яства с ханской трапезы. Однако в ту же ночь Джанибек сильно занедужил...

– Огонь бушует в чреве моём, – вопил татарский хан. Эхо этой странной болезни его ещё не раз отзовется страданием и покалечит немало судеб человеческих...

При известии о болезни сына Тайдула велела позвать русского попа, который только что исцелил её.

– Вставай, владыко, – услышал сквозь сон Алексей голос своего служки. – Хан болен, – прислали за тобой...

Тогда митрополит в спешке надел одеяния свои и отправился в ханскую вежу вслед за татаринном. Однако в темноте у повозок напали на них лихие люди. Сабля плашмя ударила владыку Алексея по голове, – без чувств свалился он наземь...

На заре поднялся он и доковылял до юрты своей. Кровь запеклась на лице у него. Служка принёс жбан холодной воды и полил на руки своему господину. Умылся владыка, сотворил утреннее молитвенное правило⁷⁵ и отправился искать правды к Тайдуле.

– Отче, – молвила бледная царица, – вертаться тебе надобно на Русь. Страшные времена грядут для нашего царства, коли поднял сын руку на отца!

В тот же день владыка Алексей с радостью великой покинул ханскую кочевую ставку, не получив обещанной награды, но сохранив самое ценное – жизнь свою...

Январь 1359 года. Южная Русь.

Стольный град Руси встречал архипастыря своего колокольным звоном. Владыка Алексей отслужил Литургию в деревянной церкви, воздвигнутой на месте каменной Десятинной, которую разрушили татары Батые. А накануне бежал из города митрополит Роман...

Посетив Киев, владыка Алексей ходил по градам и весям юга Руси, – со словами наставления, – пас своих духовных овец. После возвращения из Орды на русской земле он не ждал ничего худого и не предвидел опасности.

Однажды в пути митрополита и его спутников настиг литовский конный отряд. Вперёд выехал краснощёкий коренастый литвин с плетью в руке и, ухмыляясь, проговорил:

– Владыко, великий князь Литовский и Русский Ольгерд призывает тебя благословить его...

Алексей испугался, но вида не показал и смело отвечал:

– Передай князю твоему, что благодарствую я за приглашение, обаче не могу паству свою оставить без наставления... Опрочь того, в Литве митрополит Роман благословляет люд православный.

– Великий князь предвидел такой ответ, – коли ты не желаешь подобру идти к нему, велено силой вести тебя как последнего холопа! – литвин криво усмехнулся и хлестнул плетью русского митрополита.

«Господи, – пронеслось в мыслях владыки Алексея. – Что меня ждет? Смерть? Сие есть Голгофа моя! Господи, даждь мне путь сей достойно пройти и претерпеть до конца...»

---

⁷⁵ Молитвенное правило – утренние и вечерние молитвы (прим. авт.).

Глава третья. Святая обитель

*А теперь пребывают сии три:
вера, надежда, любовь;
но любовь из них больше.
1-ое послание к Коринфянам 13:13*

1340 год. Московское княжество.

Долго бродили по дебрям братья Стефан и Варфоломей, и, наконец, поднялись они на заросшую густой растительностью возвышенность, с которой открывался чудесный вид на бескрайние лесные просторы. Тишь да благодать! И только ветер гуляет среди вершин деревьев. Местность приглянулась юноше Варфоломею.

– Гляди, брат, се, оно! – с восторгом молвил он, – словно Едем, рай земной, где жил праотец Адам. Господи, благословен Ты во веки веков, что жалуешь милостью рабов Своих!

Братья, отдохнув, взялись за топоры, и закипела работа. От зари до зари они валили деревья... Вскоре поставили келью, а немного погодя основали церковь во имя Троицы...

– Освятить её надобно, – сказал тогда Стефан, и Варфоломей согласился. Вскоре братья подались в Москву к митрополиту. Феогност радушно принял их и, выслушав Стефана, с одобрением промолвил:

– Дело божеское замыслили вы. Отраднo мне лицезреть подвижников Господних. Благословляю вас на тяжкое житие пустынное. Отца Феодора посылаю на освящение церкви...

С митрополичьего подворья братья разошлись в разные стороны: Варфоломей долго молился в Успенском соборе, а Стефан, не теряя времени даром, сходил за деньгами к брату Петру, который служил у московского князя, а потом на торгу купил хлеба мешок.

– Варфоломей аки несмышлёный младенец, – он мыслит, что можно жить в пустыне Святым Духом... – так говорил за глаза о брате своём Стефан и однажды бросил ему в лицо:

– Как же ты думаешь жить вдаль от людского жилья, источников вод? Негде хлеба иметь, до родника и то полдня пешком идти!

На что Варфоломей ему отвечал:

– Сказано в Писании – ищите прежде Царствия Божия, остальное приложится вам. Брат, ты погляди окрест: благодать-то какая! Какие богатства нам Господь посылает, а мы не узрим сего!

– Одною ягодой лесной да мёдом диких пчёл сыт не будешь, – угрюмо отозвался Стефан. – Волки воют по ночам, – того гляди, набегут и погубят души наши! Ты как хочешь, брат, а я ухожу в монастырь. Ноша сия мне не по плечам...

Тогда опечалился Варфоломей:

– Мнилось мне, что ты, брат мой старший по плоти, станешь для меня старшим и по духу, – желал я следовать за тобою в подвиге пустынного жительства. Но днес ты покидаешь меня, а держать тебя я не могу, ибо сказано в Писании: кто может вместить, да вместит!

Так, Стефан оставил брата меньшого и пошёл в московский Богоявленский монастырь. Вскоре станет он духовником князя Симеона Иоановича...

***

Варфоломей, подобно Иоанну Крестителю, ходил во вретнице⁷⁶ круглый год и питался дарами природы: ягодами да диким мёдом. Пребывая в трудах и непрестанной молитве, он не примечал, как проходят дни, недели, месяцы, как времена года сменяют друг друга. Всем был доволен юноша и огорчался лишь тому, что нет никого, кто мог бы исповедовать и причащать его Святых Христовых Тайн. Церковь, построенную братьями во имя Троицы, не оглашали звуки литургических песнопений во славу Божию.

Однажды за причащением юноша отправился в близлежащую святую обитель, где игуменом был старец Митрофан, – по окончании богослужения тот выслушал Варфоломея и горячо хвалил его за подвижничество.

– Отче, жажду я духовного наставничества и руководства в своём житии, – молвил смиренно юноша.

– Увы, сын мой, не всякий из братии согласился бы жить в лесной глуши, – вздохнул игумен. – Но я желал бы узреть пустынь твою...

Вскоре воротился Варфоломей в обитель свою не один, – со старцем Митрофаном, который на другой день совершил Божественную Литургию в церкви Троицы. Немного погодя юноша смиренно склонил главу пред игуменом и просил его:

– Отче, сотвори любовь ради Господа; одлеки меня в чин иноческий, – возлюбил я его от юности моей и с давнего времени желаю пострижения...⁷⁷

7 октября 1342 года. День св. Сергия и Вакха.

Целую седмицу не позволял себе вкушать пищи юноша Варфоломей и только воду пил. Тем временем, игумен Митрофан сходил в свой монастырь за церковной утварью, потребной для Литургии.

И вот, наконец, настал долгожданный день. Варфоломей опустился на колени пред алтарём церкви, выстроенной им во славу Троицы. На аналое возлежали Евангелие, ножницы и Крест. Пришедшие с игуменом Митрофаном иноки держали в руках зажжённые свечи. Между тем, старец в облачении богослужебном вопрошал юношу:

– Желаете ли уподобиться ангельского образа и вчинену быти лику иночествующих?

– Ей, Богу содействующу, честный отче, – отвечал юноша.

– Воистину добро дело и блаженно избрал еси: но аще и совершиши е; добрая бо дела трудом стяжываются и болезнию исправляются, – подбодрял юношу старец Митрофан и тотчас искушал его. – Вольною мыслию приступаешь к Богу аль от нужды и насилия? Пребудешь ли в иночестве и постничестве даже до последнего издыхания? Сохранишь ли себя в девстве и целомудрии, благоговении и послушании? Потерпишь ли всякую скорбь и тесноту жития иноческого ради Царствия Небесного?

Всякий раз юноша отвечал: «Ей, Богу содействующу, честный отче». И снова спрашивал игумен Митрофан:

– В сих обетах пребывать обещаешься ли даже до конца живота, благодатию Христовою?

– Ей, Богу содействующу, честный отче.

Тогда, возложив на склонённую главу юноши Требник, старец Митрофан обратился к Богу с молитвой:

---

⁷⁶ Вретнице (власяница) – монашеское одеяние из грубой ткани (прим. авт.).

⁷⁷ Здесь и далее по тексту ссылки на Житие преп. Сергия Радонежского и родителей его схимонахов Кирилла и Марии, Киев, 2006 г. (прим. авт.).

– Господи, огради сего раба Своего силою Святаго Духа, прими его чистую жертву и с отнятием влас его отними и всякую похоть бессловесную, сподобив его лёгкого Своего ига и соблюдения святых заповедей и сопричтения к лику избранных...

Затем игумен Митрофан строгим голосом повелел юноше:

– Возьми ножницы и подаждь ми я!

Варфоломей, с благоговением целуя его руку, подал ножницы, но старец бросил их наземь от себя:

– Возьми ножницы и подаждь ми я.

Юноша исполнил повеление во второй раз, но Митрофан снова не принял ножницы и проговорил:

– Возьми и подаждь ми я.

Юноша, едва сдерживая слёзы, протянул ножницы. Но теперь игумен принял их:

– Се, от руки Христовы приемлеша я; виждь, кому сочетаваешися, к кому приступаеша и кого отрицаешися.

Он остриг волосы юноши крестообразно, произнося:

– Брат наш Сергей постригает власы главы своея во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

По окончании пострижения инок Сергей надел параманд⁷⁸, облачился в рясу и препоясал чресла свои. Старец Митрофан возложил на его рамена⁷⁹ мантию, а на главу – чёрный клубук и вручил ему вервицу⁸⁰.

Так, заветное желание юноши Варфоломея исполнилось: стал он иноком Сергием...

Неделю спустя игумен Митрофан собрался в обратный путь и благословил постриженника своего на тяжкий подвиг пустытника.

– Молись обо мне, отче, – горячо говорил Сергей, – дабы Господь послал мне силы противостоять брани плотской и искушениям бесовским, дабы сохранил Он меня и от лютых зверей среди моих трудов.

– Благословен Бог, – говорил старец, и крепкая вера звучала в его словах. – Он не попускает нам искушений выше сил наших! Отходя отсюда, я предаю тебя в руки Божии; Господь будет тебе прибежище и сила. Он поможет тебе устоять против козней вражеских...

***

Всю ночь бодрствовал инок Сергей, молился в келье, непрестанно осеняя себя крестным знамением и творя поклоны земные:

– Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго!

На заре в церковь петь заутреню отправился он с горящей лучиною в руке, – возжёт лампадки пред иконами и начал молитвословие.

– Благословен Бог наш всегда, ныне, и присно, и во веки веков! – возгласил Сергей. И только успел он произнести эти слова, как разверзлась стена церковная, и в проём хлынуло вражеское воинство во главе с князем Гедимином⁸¹, – с дикими воплями и свистом кинулись литвины в алтарь к ризнице. Вытаскивали они одеяния богослужебные и разрывали их на части, бросили на пол потир с дискосом, саблями порубили иконы святые и престол деревянный. Князь Гедимин, ослабившись, кричал иноку:

---

⁷⁸ Параманд – плат, носимый на плечах, с изображением креста Господня. Шнурками, пришитыми к углам, параманд обхватывает плечи монаха, обвивает и стягивает одежду (прим. авт.).

⁷⁹ Рамена – плечи (прим. авт.).

⁸⁰ Вервица – четки (прим. авт.).

⁸¹ Литовский князь Гедимин умер в 1341 году (прим. авт.).

– Беги отсель по добру по здорову, спасайся, иначе погибнешь тут!

Страх подкрался к сердцу юноши, но уразумел он, что: «Господь – свет мой и спасение моё: кого мне бояться? Господь – крепость жизни моей: кого мне страшиться? Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут грешники от лица Божия».

Инок поднял очи... Глядь – иконы на прежнем месте, престол невредим стоит, цела и ризница...

Однажды при свете лучины совершал Сергей вечернее правило: «Святыи Боже, Святыи крепкий, Святыи бессмертный, помилуй нас...» Но услышал он шорох позади себя и оглянулся. Келья вдруг наполнилась гадами мерзкими, – они шипели, по земле вились, подползали к нему, того гляди, в ноги вцепятся... И тогда пуще прежнего взмолился инок: «Господи, спаси и сохрани! На Тебя уповаю и предаю себя в волю Твою...». Он обернулся, глядь – исчезли гады земные...

В другой раз посреди ночи зашумел лес, поднялся волчий вой, послышались крики за стенами кельи: «Уходи отсель. Мы не оставим тебя в покое. Погибнешь бесславно ты. Беги, спасайся, покамест не поздно!».

– Господь, – возопил Сергей, – пастырь мой! Коли я пойду долиной смертной тени, не убоюсь зла, ибо ты со мной...

Вскоре тишина воцарилась окрест, а инок воскликнул: «Благодарю Тебя, Господи, яко ты не оставил меня, но скоро услышал и помиловал!»

***

В пустыни посреди чащи леса обрёл Сергей столь отрадное его сердцу уединение. И только один гость иногда навещался к нему...

Однажды угодник Божий увидел пред своею хижинкой большого медведя и, примечая, что зверь не столь свиреп, сколь голоден, сжалился над ним: кусок хлеба положил на пенёк. С тех пор мишка повадился приходить к келье, а инок, благодаря Бога за ниспосланное утешение, потчевал косолапного хлебом, что принёс ему игумен Митрофан. Но вскоре припасы кончились. И тогда медведь, точно злой заимодавец, настойчиво желающий получить своё, подолгу не уходил, ожидая обычного угощения...

1343 год от Рождества Христова.

С тех пор как в соборе Успения Богородицы начали происходить чудеса исцеления, люди со всех уголков Руси-матушки потянулись в Москву, дабы приложиться к мощам святителя Петра. Странствующие богомольцы всегда находили ночлег и снедь в попутных селениях.

В те времена Бога боялись люди православные! Народ верил, что странники молитвой своей мир от гибели спасают. Оттого-то крестьяне охотно принимали незваных гостей и расспрашивали, где были они и что видели, а при расставании просили: «Помолитесь за нас, отцы, в стольном граде Москве у гроба владыки Петра!». Однажды странники забрели в обитель игумена Митрофана, и монахи рассказали им о подвиге лесного пустытника Сергея:

– Инок сей живёт посреди лесной глуши. Выстроил он с братом своим церковь во имя Пресвятой Троицы, обаче брат покинул его и ушёл в Москву. Теперича он наедине с Богом пребывает и молится за нас, грешных. Ни глада, ни зверей диких он не страшится! Во всём нужду терпит и уповает едино на Господа нашего. Сие есть свет истинного спасения, яко сказано в Писании, что многими скорбями подобает внити в Царствие Божие...

Слава о подвижнике быстро разлетелась по округе. И однажды люди из окрестных селений пошли к игумену Митрофану и просили его:

– Покажи, отче, где живёт пустынный Сергей: ради наставления духовного желаем видеть его.

Митрофан, вняв долгим уговорам, послал инока обители своей проводить страждущих в лесную пустынь чудного старца.

Весь день пробирались они сквозь дебри и, наконец, достигли горы, Маковицею именуемой, – то было место подвига скромного и смиренного инока Сергия. Встретил он гостей незваных радушно, пригласил на скудную трапезу свою; вопрошали его люди, дивились его мудрым ответам и поучениям.

Те гости покинули святую обитель, но вскоре пришли другие, которые пожелали остаться там. Сергей поведал им обо всех тяготах жизни в чаще лесной:

– Многие лишения, скорби и печали ждут вас на сем пути. Крест сей не всякому по силам нести!

– Его понесём мы вкупе с тобою, – настаивали они. После долгих уговоров добрый старец уступил и разрешил ставить кельи окрест церкви...

Поначалу около Сергия собралось двенадцать братьев. Высоким тыном обнёс старец обитель, наречённую впоследствии Троице-Сергиевой лаврой...

***

В непрестанной молитве пребывали пустынники, – службы, кроме обедни, исправно совершали они в церкви. В праздничные дни братия посылали Иакова по прозвищу Якута в мир за иереем, который служил Литургию.

Вскоре поселился в обители игумен Митрофан, но недолго прожил он в пустыни и отошёл с миром к Господу, – тогда обитель снова осталась без иерея, а старец Сергей не желал принимать на себя ни сана священного, ни игуменства...

– Я слуга вам первый, а не господин, – отвечал он всякий раз на вопросы братии и слова свои подкреплял делами. Кельи рубил и колол дрова, молот на ручных жерновах, пёк хлебы, варил кашу постную, шил одежду и обувь, носил на гору воду в двух водоносах и поставлял у кельи каждого брата.

Однажды святую обитель посетил родной брат Сергия – игумен Богоявленского монастыря Стефан. С ним был сын его отрок Иоанн.

– Желает он подвизаться в пустыни твоей, брат, – сказал Стефан. Он облачил двенадцатилетнего сына в ангельский образ, и остался инок Феодор в Троицкой обители...

1353 год от Рождества Христова.

– Брат Сергей, некий крестьянин видеть тебя желает, – молвил диакон Онисим. Старец вышел из кельи своей. Муж печального образа пал на колени пред ним:

– Благослови мя, честный отче.

Смутился старец и проговорил:

– Инок обычный я без сана священного и не властен даровать благословение!

Муж поднялся с заснеженной стези и представился:

– Иваном звать меня, крестьянин я из села Покровского. Наугад шёл в твою обитель, отче, да Господь уберёт меня от лихих людей и зверей лютых! Схоронил на днях жену свою Марью, а на прошлой седмице детки мои померли. Ноне хочу постричься в схиму...

– Никак мор пришёл на Русь Святую? – побледнел старец Сергей. Страшная догадка его подтвердилась:

– Истинно так, честный отче. Паче нет у меня семьи, – страшусь я вертаться домой и хочу в твоей обители вымолить у Бога прощения грехов своих.

– Отдохнуть тебе надобно, – намаялся, сердечный, – молвил старец с состраданием, и впустил он Ивана в свою келью. Долго они беседовали наедине: Сергей тихим ласковым словом успокаивал израненную душу мирянина, пожелавшего принять монашеский постриг.

Когда Иван, вкусив хлеба насущного, лёг почивать, Сергей вышел из кельи и встретил диакона Онисима, который с тревогой проговорил:

– Брат Сергей, приютит ты мирянина сего, а он мог с собою заразу принести. Так и погубит он нас всех!

– Немошен он да токмо душою своею, – вздохнул Сергей. – Жаждет исцеления, посему и пришёл к нам. Мы должны помочь ему встать на путь истинный.

Всю ночь Сергей пред божницей молился за души живых и мёртвых... А наутро после церковной службы он кликнул Ивана:

– Идём. Тебе келью ставить будем.

Застучали топоры, – закипела работа.

– Братя с опаской поглядывают на меня, – говорил Иван. – Один ты, отче, не страшись, коли решил приютить меня в келье своей. Благодарствую.

– Не вини братьев, Иван, – не разумеют они, что не телом болен ты, а душою, – отвечал на его слова Сергей.

«Чудный старец, – думал Иван, – истинно всё, что о нём глаголют. И как не похож он на наших попов! Добрый и кроткий взгляд, в ветхих одеждах ходит, в сырой келье живёт, трудится аки пчела, не превозносится ни перед кем, отзывчив к чужому горю, всегда поможет мудрым словом и благим делом!».

Меж тем, они вдвоём навалились на подрубленное дерево, которое затрещало и повалилось наземь...

– Отче, почто не примешь ты игуменства в сей обители? – осведомился Иван, обрубая ветки с древа. – Я жажду исповедаться тебе и причаститься Святых Даров от рук твоих...

– Об одном мечтает душа моя – умереть в обители сей простым чернецом, – грустно улыбнулся Сергей, – яко желание игуменства есть начало и корень властолюбия!

– Обители надобно иметь настоятеля, – заметил тогда Иван, – ты основатель пустыни сей, ты пред Богом в ответе за всю братию!

– Недостоин я столь высокой чести – быть игуменом, – с жаром возразил Сергей. – Прошу тебя, впредь не глаголи сего! А что до иночества твоего, поживи покуда в обители послушником, – лишь в болезни тяжкой второпях постригают в схиму. Ты, небось, и грамоте не обучен?

– Не обучен, твоя правда, отче, – вздохнул Иван. – Почто крестьянину грамота?

– Ничего, одолеешь сию науку, – молвил Сергей. – Днесь займёмся с тобою...

Год спустя.

Однажды пришли братия к Сергию с мольбой:

– Будь наставником душ наших, дабы каждый день мы приходили к тебе с покаянием и открывали пред тобою нашу совесть, а ты бы подавал нам прощение, благословение и молитву. Мы желаем видеть тебя совершающим ежедневно Божественную Литургию и от твоих честных рук причащаться Святых Христовых Тайн. Ей, честный отче, таково наше общее сердечное желание; не откажи нам в сей милости!

Но Сергей упрямо стоял на своём:

– Братия! У меня и помысла никогда не было об игуменстве. Одного желает душа моя – умереть тут простым чернецом. Не принуждайте же меня и вы, братия! Оставьте меня Богу: пусть Он что хочет, то и творит со мною.

– Мы веруем, – не унимались иноки, – что Господь привёл нас сюда. Мы сердечно желали подражать твоему житию и чрез то чаяли достигнуть вечного блаженства. Но коли ты не хочешь заботиться о душах наших, то мы все принуждены будем оставить сие место. Мы уйдём от храма Пресвятыя Троицы, будем блуждать яко овцы без пастыря, а ты дашь за нас ответ нелицеприятному Судии!

– Желаю, – сказал Сергей, – лучше учиться, нежели учить, лучше повиноваться, нежели начальствовать, но страшусь Суда Божия. Но да будет на всё святая воля Господня!

Тогда он, взяв в спутники двух братьев, пешком отправился в Москву к митрополиту. Однако в пути настигла их весть, что владыка Феогност преставился, а епископ Владимирский Алексий пошёл в Царьград к патриарху на поставление и до сих пор не воротился.

Узнав, зачем пришли пустынные, слуги на митрополичьем подворье подсказали им обратиться к епископу Волынскому Афанасию, который жил в Нагорном Борисоглебском монастыре...

Месяц спустя. Возле Переславля-Залесского.

Сергей с братией вошёл в храм и пал архиерею в ноги.

– Кто ты, сын мой? – удивился владыка Волынский.

– Грешный иннок Сергей – моё имя...

– Не тот ли Сергей, иже основал пустынь во имя Пресвятой Троицы?

– Так, владыко.

– Благословение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на рабе Божьем Сергии всегда, и ныне, и присно, и во веки веков. Христос посреди нас!

– Есть и будет, – отвечивал Сергей, поднимаясь с колен.

– Ведомо мне о подвигах твоих пустынных, Сергей, – молвил владыка Афанасий. – Пойдём, поговорим с тобою в келье моей.

– Четырнадцать лет, владыко, минуло с тех пор, как поселился я в лесной глуши, – рассказывал Сергей. – Искал я уединения и покоя, наипаче желал тишины и безмолвия. Прошло время, и стали приходить ко мне люди. В совете духовном и наставлении я не мог им отказать. Просились они поселиться подле меня. Памятуя слова Писания: «Грядущего ко Мне не изжену вон», – я позволил остаться им. Так, родилась обитель Пресвятой Троицы. Обаче постоянно мы испытываем нужду в иерее, властном совершать Божественные Литургии, исповедовать и причащать, а наипаче в духовном наставнике. Посему мы и пришли к тебе, владыко. Поставь мудрого и опытного игумена нашей обители...

– По плодам их познаете их, – так говорил Господь наш Иисус Христос, – заметил Афанасий. – Ты аки щедрая лоза, усыпанная гроздьями доброго винограда! Посему ты и будь отныне отцом и игуменом для братии, иже ради подвига твоего поселились в обители Пресвятой Троицы.

– Не достоин я, владыко, – возразил Сергей. – Я грешный раб Божий, не по мне сия ноша...

– Возлюбленный! Ты всё стяжал, а послушания не имеешь, – строго укорил его епископ Афанасий.

Тронули чистую душу Сергия слова владыки Волынского, и смирился он тогда:

– Как Господу угодно, так пусть и будет. Благословен Господь во веки!

Вскоре во время Литургии владыка Афанасий посвятил Сергия в иеродиаконы. А на другой день Сергей был облечён в сан священник. Стоял он на коленях пред святым престолом. Епископ, возложив на главу его преклонённую край омофора и руку свою, громко произносил:

– Божественная благодать, всегда немощная врачующи и оскудевающая восполняючи, пророчествует Сергия благоговейнейшаго иеродиакона в иеромонаха; помолимся убо о нем, да придет на него благодать Всесвятаго Духа.

Когда поднялся с колен Сергей, облачили его в священные одежды, возглашая:

– Аксиос!⁸²

После свершения иеромонахом Сергием первой Божественной Литургии епископ Афанасий поставил его игуменом...

Воротился Сергей в обитель свою. Встретили его братия поклонами земными и слезами радости на глазах. Вошёл игумен в церковь, пал ниц и долго молился Господу, а пред трапезой поучал братию так: «Прежде имейте страх Божий, и чистоту душевную, и любовь нелицемерную; к сим и страннолюбие, и смирение с покорением, пост да молитву. Пища и питье в меру; чести и славы не любите, наипаче же бойтесь и поминайте час смертный и второе пришествие».

И тогда в первый раз игумен Сергей благословил братьев своих. Не далек тот час, когда православные христиане со священным трепетом станут величать его игуменом всяя Руси...

---

⁸² Аксиос (греч.) – достоин (прим. авт.).

Глава четвёртая. Великая замятня

Сентябрь 1357 года. Орда⁸³ Джанибека.

Хан возлежал в своей златоверхой юрте в объятиях любимой жены и видел сладкие сны... А над ним сгущались тучи. Коварный враг как хищный паук плёл нити заговора за его спиной.

– Он будет умирать долго и мучительно. Кровь Тинибека вопиет и ждёт отмщения. Тайдулу Аллах покарал – ослепла старая ведьма. Она не сможет помешать нам, а ежели попытается, мы вразумим её...

– Невиданное дело замыслил ты, Туглу-бай. Не поздно ещё отказаться от сей опасной затеи.

– Поздно, Тэмир! Послал я гонца за Бердибеком в Тебриз, дабы поспешал он взойти на престол хана Узбека, коим отец его владеет не по праву. Честь семьи нашей попорана поганым Джанибеком. Мы так долго выжидали. И вот, наконец, пришло время расплаты! Так, ты со мной, брат?

– Ты мне как отец, Туглу-бай. Воля твоя да будет надо мной! – отвечал Тэмир.

– Я не сомневался в тебе, брат. Завтра всё начнётся...

В тот день Джанибек был на охоте. Вскоре прискакал гонец с известием об исцелении Тайдулы. Тогда хан с нукерами своими воротился в орду. Мать вышла навстречу сыну. Джанибек спешился. Они обнялись.

– Благословен Бог во веки веков! – воскликнула женщина со слезами радости на глазах. – Пелена пала, я, как прежде, зрю лик твой прекрасный, возлюбленный мой.

Туглу-бай заскрежетал зубами от злости: «Проклятый поп, он всё испортит!» Тэмир с встревоженным видом вошёл в шатёр брата:

– Плохой знак, – боги покровительствуют Джанибеку!

– Не трусь, Тэмир, – осадил его Туглу-бай, – попа мы приструним.

– Не трожь его, Туглу-бай, – просил Тэмир, – человек Божий он.

– Не бойся, мы его просто припугнём, – усмехнулся Туглу-бай.

Веселье в ханской веже не стихало до поздней ночи. Вино лилось рекой. Посреди шумного пира Туглу-бай сидел мрачнее тучи. Джанибек исподлобья глянул на него, и его губы расплылись в довольной усмешке:

– Отчего ж не весел ты, мой верный Туглу-бай? Сегодня славный день! Удача на охоте сопутствовала нам. Урус мать мою излечил.

– Великий хан, – отозвался туменбаши⁸⁴. – Стар я стал; мысли печальные всё чаще посещают меня.

Хан рассмеялся:

– Я знаю, как помочь твоему горю, Туглу-бай. Возьми ещё одну жену, и хандра вскоре покинет тебя!

– Великий хан, я последую твоему мудрому совету, – молвил Туглу-бай и, вознеся кубок с вином, провозгласил:

– За здоровье великого хана улуса Узбека – Джанибека!

Виночерпий, мельком взглянув на туменбаши, поднёс золотой кубок Джанибеку. Туглу-бай глядел, как хан пьёт вино, и думал: «Гарем тебе более не понадобится!».

Две недели спустя.

---

⁸³ Орда – кочевая ставка (прим. авт.).

⁸⁴ Тумэнбаши (темник) – предводитель тумэна (десяти тысяч) – прим. авт.

Бердибек вбежал в шатёр к своей бабке:

– Как отец? В Тебризе ко мне прискакал гонец с донесением, что он при смерти...

– Жив твой отец, Бердибек, – усмехнулась Тайдула. – А тебе, небось, не терпится в мир иной его спровадить?

– Отчего ты так говоришь? – нахмурился Бердибек. – Будто меня в чём обвиняешь...

– Отравили отца твоего. Хвала Богу – служанка моя снадобьем исцелила его. Но с тех пор я её не видела... Ослаб Джанибек, не встаёт с постели. Ступай к нему.

Старший сын хана Джанибека наследовал за отцом престол улуса Джучи, но было у него двенадцать единокровных братьев: мал, мала и меньше. Младший родился всего полгода назад...

Бердибек вошёл в ханскую вежу и не сразу признал в человеке, лежащем на постели, своего отца. Теперь это был дряхлый старик с лицом, сплошь покрытым глубокими морщинами. Бердибек в нерешительности стоял посреди юрты, – Джанибек открыл глаза и лёгким движением руки подозвал его. Тогда юноша подошёл к одру и услышал слабый голос отца:

– Я рад видеть тебя, сын мой. Скоро я покину мир сей. Царство моё перейдёт к тебе. Во всём слушайся бабушку свою: она дурного не посоветует. Живи в мире с братьями, не повторяй ошибки моей молодости. Тогда я приказал убить старшего брата своего – Тинибека. Теперь Аллах покарал меня...

Бердибек покинул отцовскую вежу и покосился на кешиктенов...

Чёрные тучи заполонили небо. Моросил колючий холодный дождь. Ветер посвистывал среди юрт. Слуги поспешно ставили вежу, покрывали её войлоком, стелили ковры и готовили трапезу для ханского сына. Порог юрты вскоре переступил Мамай, – туменбаши, с которым Бердибек прибыл из Тебриза.

– Как себя чувствует великий хан? – осведомился Мамай.

– Говорит, что умирает, – задумчиво промолвил Бердибек. – Выглядит он плохо, но лекарь грозит скоро поставить его на ноги... Присаживайся, Мамай. В ногах правды нет. Да и нам с тобой отдохнуть не мешало бы. Столько дней скакали без передышки!

Мамай устроился на мягкой подушке, скрестив ноги, и взгляделся в лицо Бердибека, который долго молчал, погружённый в свои думы.

– Мечтали мы с тобой, Мамай, о царстве, а, видимо, напрасно, – заговорил Бердибек, продолжая мысли вслух, и вздрогнул, как громом поражённый. Он поднял глаза и встретился взглядом с человеком, который стоял на пороге его юрты.

– Не напрасно, господин мой, – усмехнулся незнакомец. – Ты прости мою дерзость... Я Туглу-бай, советник отца твоего.

В этот миг в юрту вбежал бледный запыхавшийся слуга Бердибека и рухнул на колени пред господином своим.

– Ступай прочь, – с тобой потом разберусь... Значит, нойон Туглу-бай. И чем я обязан столь высокой чести?

– Я желал бы говорить с тобой наедине, – сказал Туглу-бай, исподлобья поглядывая на Мамаю.

– Мне нечего скрывать от брата названного, – возразил тогда Бердибек.

– Гонца за тобою я посылал... – небрежно молвил Туглу-бай.

– Ты? – удивился Бердибек. – Отчего ты обманул меня?

– Я правду сказал тебе: жизнь отца твоего висела на волоске!

– Уж не ты ли постарался подвесить её? – усмехнулся Бердибек.

– Не стану таиться от тебя, господин мой. Его отравили по моему приказу... Пришло время тебе занять престол великого хана Узбека!

– Это крамола, – с презрением скривил губы Бердибек. – Ежели отец проведает обо всём, знаешь, что он с тобой сделает? Прикажет разорвать лошадыми на части и бросить шакалам на съедение...

– Но ты не донесёшь на меня, – уверенно проговорил Туглу-бай.

– Отчего же? – усмехнулся Бердибек.

– Коли отец твой выздоровеет, полетят головы... Не поверит он, что я действовал без твоего благословения!

Нахмурился Бердибек:

– Так чего ж ты хочешь?

– Я желаю свершить правосудие, – говорил Туглу-бай. – Не по праву Джанибек занял престол деда твоего хана Узбека! Многие нойоны⁸⁵ готовы поддержать тебя, господин мой...

– А как же кешиктены? – спросил Бердибек.

– Кешиктены Джанибека до сих пор верны клятве, – отвечал Туглу-бай, – но они покораются твоей воле. Немоощный правитель лишь презрения достоин. На престоле должен воссесть молодой и сильный хан...

– За свою службу какую награду попросишь ты? – осведомился Бердибек, поразмыслив над словами Туглу-бая.

– Дед мой при хане Узбеке был улусбеком⁸⁶ Шибана. Тайдула и Джанибек отняли улус у отца моего. Я только желаю вернуть то, что принадлежит моей семье...

Туглу-бай покинул юрту, а Бердибек обратился к Мамаю:

– Я часто вспоминаю тот день, когда ты спас мне жизнь. Воины Мелик Ашрефа⁸⁷ зашли к нам с тыла. Если б не твоя сабля, катилась бы моя голова по сырой земле... Скажи мне, Мамай, могу ли я верить человеку, который предал отца моего?

– Тот, кто предал однажды, предаст и вдругорядь, – отвечал Мамай.

– Ты мудр, друг мой, но такие люди, как Туглу-бай, нужны нам, – возразил Бердибек. – К тому же прав он: коли поднимется отец мой с одра, полетят головы. Пусть он делает всю грязную работу за нас...

Вскоре на зов Туглу-бая нойоны пришли в орду Джанибека с туменами своими, разбили аулы (станы) и явились в юрту Бердибека, – засвидетельствовать своё почтение...

У великой хатун Тайдулы соглядатаи были повсюду: торговцы на базаре, кешиктены, слуги беков и нойонов, – она знала обо всём, что происходит в Орде, не покидая своей вежи. Но заговор против сына немощная ханша не смогла разглядеть. И теперь она колебалась, решая, чью сторону занять: «За Бердибеком войско, за Джанибеком кешик⁸⁸, но лучше не вмешиваться до времени, иначе не сносить мне головы!».

Неделю спустя.

---

⁸⁵ Нойоны – князья; как правило, были темниками (70 туменов). Товлубий (Туглу-бай) был одним из нойонов-темников (прим. авт.).

⁸⁶ Улус Джучи при хане Узбеке был разделён на четыре улуса во главе с улусбеками (наместниками), один из них именовался *беклярибеком* (главным беком) и подчинялся напрямую хану (прим. авт.).

⁸⁷ Мелик Ашреф – правитель Ирана (прим. авт.).

⁸⁸ Кешик – гвардия. В Монгольской империи гвардия насчитывала 12 000 воинов, – из них формировалась личная стража хана (прим. авт.).

Джанибек, постаревший на двадцать лет, всем бедам назло поднялся с одра и приступил к делам. Он призвал карачу⁸⁹ и велел собрать Диван.

На совете Джанибек окинул мрачным взглядом своих вельмож и обратился к беклярибеку:

– Наран, поведай, что происходило в улусе, покуда я был прикован к тяжкому одру.

– Великий хан, – сказал беклярибек, – в державе нашей всё спокойно; народ молится Аллаху о здравии великого хана.

– Красиво поёшь, Наран! – гневно вскричал Джанибек. – Спокойно? Немощен я был, но ведомо мне, что в Тебризе горожане подняли мятеж. Отчего войска до сих пор не брошены на искоренение крамолы? Отчего ты не сыскал тех, кто покушался на меня?

Беклярибек пал на колени и взмолился:

– Пощади, великий хан, я всё исправлю!

– Ты не оправдал моего доверия, Наран, – с презрением скривил губы Джанибек. – Стража, отрубить ему голову!

Двое кешиктенов тотчас потащили вопящего старика из ханской юрты. Вскоре они принесли его кровоточащую голову, глаза которой запечатлели предсмертный ужас беклярибека.

– Та же участь постигнет всякого, кто посмеет подняться на меня! – в ярости воскликнул Джанибек.

Туглу-бай подумал: «Головы полетели. Пришло время избавиться от тирана!», – и по окончании совета отправился к Бердибеку.

– Отец твой казнил Нарана, – говорил Туглу-бай. – Началось! Вскоре он доберётся и до тебя. Решайся же: или смерть, или престол. Он отправит верные тебе войска в Иран, и тогда всё пропало...

– Я не могу убить своего отца! – вскричал Бердибек.

– Тише, господин мой, – предостерег его Туглу-бай, – у тебя нет выбора. Ступай к нему и сделай то, что должно...

***

Хан восседал на троне. Пред ним стоял большой барабан. Карача подавал ярлыки⁹⁰, и Джанибек, макая перо в чернильницу, прикладывал к ним свою ханскую руку.

– Почто пожаловал ко мне, Бердибек? – молвил Джанибек, не глядя на сына.

– Отец, я хотел бы поговорить с тобой наедине, – речь пойдёт о тех людях, которые пытались убить тебя...

Джанибек поднял свой взор и махнул рукой: карача, пятясь, покинул юрту. Бердибек медленно подходил к престолу, держа руки за спиной:

– Отец, мне многое тебе надо рассказать.

– Я слушаю тебя. Говори!

– Я знаю, кто покушался на тебя, но я боюсь их... За ними войско. Они пытались склонить и меня на свою сторону. Я обещал, что после твоей смерти щедро награжу их и буду править по их указке...

– Назови мне имена крамольников, – взревел тогда Джанибек.

Слёзы застыли в глазах Бердибека:

– Отец, мне страшно! Я помню тот день, когда меня в первый раз посадили на коня... Прекрасный гнедой жеребец! Когда я упал с него, помню, ты подбежал ко мне, взял на руки и

---

⁸⁹ Карача – визирь, первый министр (прим. авт.).

⁹⁰ Ярлык – грамота, указ (прим. авт.).

обнял, – это было в первый и последний раз! Я назову тебе имена мятежников, только прошу – позволь мне обнять тебя, дабы ты мог почувствовать мою любовь...

Когда Джанибек сошёл с трона, Бердибек шагнул навстречу отцу.

– Прости меня... – тихо прошептал он.

– Что? – переспросил, не расслышав, Джанибек. Бердибек тотчас накинул на шею отца бечёвку, что прятал за спиной. Тогда Джанибек рванулся из крепких объятий сына, но сила в руках его была уже не та, что прежде, а верёвка ещё сильнее сдавила шею его. Из груди Джанибека вместо крика вырвался стон. Он глядел на сына своего глазами, полными ужаса. Бердибек, мечтая поскорее окончить начатое, толкнул отца наземь, выхватил саблю и отсек ему голову...

Этот трофей за косы он вынес из юрты и показал кешиктенам, которые стояли у дверей с копьями в руках.

– Отныне я ваш хан, – вскричал Бердибек, потрясая отрубленной головой отца, – мне кланяйтесь!

И тогда, повинувшись праву сильного, что известно с глубокой древности, охранники Джанибека пали ниц пред его сыном-отцеубийцей...

***

Нового хана несли на войлоке⁹¹ окрест златоверхой вежи под восторженный рёв собравшейся толпы:

– Да здравствует Бердибек-хан! Да продлит Аллах его дни на Земле!

Кешиктены остановились у дверей, – Бердибек ловко спрыгнул с войлока и вошёл в юрту, где почтительно стояли ногланы и беки. Они все разом пали ниц пред своим ханом...

Потом Бердибек величаво прошёлся по ковровой дорожке и воссел на престол своего отца. На хане красовался препоясанный широким оранжевым кушаком бархатный кафтан с золотыми пуговицами, его голову венчала золотая шапка с меховой опушкой, а пальцы на руках у него были сплошь усыпаны перстнями с драгоценными камнями.

Пред ханом склонился начальник гвардии, передавая саблю с рукоятью из слоновой кости в золотых ножнах. И тогда Бердибек поднялся с трона, принял сей драгоценный дар и принёс присягу:

– Клянусь суд и расправу чинить по Ясе великого Чингисхана и нормам шариата, во всех делах держать совет с великим Диваном и беклярибеком, почитать войсковых начальников, содействовать процветанию и преумножению улуса Узбека!

Подданные приветствовали своего хана...

Ноябрь 1357 года. Сарай аль-Джедид.

Воротился Бердибек со всем двором в стольный град Новый Сарай и первым ярлыком вознаграждал своего брата названного: «Мы, Бердибек, хан Сарая, Крыма, Шибана и Хорезма, указываем: за великие заслуги пред улусом Джучи внуку Иситаю, верного соратника хана Узбека, туменбаши Мамаю впредь именовать беклярибеком и начальником над всеми туменами нашего непобедимого войска». Затем Бердибек назначил Туглу-бая наместником в улус Шибана:

– Ты доказал нам свою преданность! Отправляйся в свои земли...

Туглу-бай поблагодарил хана за милость и не без лукавства добавил:

– Я и впредь буду верным слугою твоим, а ныне позволь совет дать тебе.

---

⁹¹ Церемония несения на войлоке нового хана называлась *кутерьям*. Отсюда, вероятно, пошло русское слово *кутерья*, то есть суматоха, беспорядок (прим. авт.).

– Говори.

– Великий хан, ты отослал от себя жён отца твоего с малолетними детьми. Но знай, придёт тот день, когда они возмужают и вспомнят о тебе. А Момат Хожа ныне на Руси: Джанибек послом отправил его незадолго до болезни своей. Мой тебе совет – призови его в Сарай под любым предлогом...

– На что ты толкаешь меня, Туглу-бай? – вспылил Бердибек, вскочив с престола. – Тебе мало того, что я окропил руки кровью отца своего?!

– Я могу лишь советы давать, великий хан. Тебе решать, как поступить, – усмехнулся Туглу-бай и раскланялся.

С тех пор страх поселился в душе Бердибека. «Восстанут они на меня, когда вырастут, – не простят гибели отца!», – думал он, и эта мысль денно и ночью не давала ему покоя. Хан послал за беклярибеком, – Мамай вскоре явился. Тогда Бердибек поднялся с трона и обнял названного брата:

– Друг мой, я в большом смятении. Мне нужен совет твой...

Мамай выслушал хана и проговорил:

– Одному Всевышнему ведомо, что нас ждёт! Коли хочешь знать мнения моего, так слушай – разошли сыновей отца твоего по разным городам, но крови на себя новой не бери...

Бердибек отпустил Мамайа и задумался пуще прежнего: «Коли последую совету его и помилую братьев своих, от страха сего не отделаюсь вовеки!». И тогда он решился на злое и коварное дело, – послал на Русь к Момат Хоже гонца с грамотой: «Брат мой возлюбленный, сообщаю тебе горестную весть: в тяжкой немощи пребывает отец наш. Он желает говорить с тобой».

На Руси в то время ещё не знали о кутерьме в Орде. И Момат Хожа со своей сотней поскакал на Родину, но в пути проведал он, что отец умер, а престол занял Бердибек. На подступах к Сараяу встретил его вооружённый отряд нойона Куремсы:

– Мы люди великого хана Бердибека. Велено тебя сопроводить во дворец. Непокойно ныне в улусе нашем. Брат твой печётся о тебе!

«Ложь, всё ложь, – подумал Момат Хожа. – В силки завлечь желает меня кровожадный братец!». Он выхватил саблю и снёс голову Куремсе, зычно крикнул воинам своим: «Обороните, други!», – а сам кинулся наутёк. Ханские люди догнали его в окрестностях города Арнач...

Вскоре разослал Бердибек слуг с посланием для остальных братьев своих: «Придите ко мне, возлюбленные, ибо видеть вас желаю!». Так, было положено начало великой замятни!

Зверь, познавший вкус крови, остановиться уже не может...

Две недели спустя.

Митрополит Алексей пришёл в Орду с грамотой для нового хана. «Вольный царь, посол твой Иткар обложил Русь сугубой данью. Лето неурожайное выдалось ныне, – нет хлеба в закромах, крестьянам нашим сие бремя в тягость великую и непосильную. Повинуемся мы тебе так же, как и отцу, и деду твоему. Не казни, но милуй нас, великий хан. Мы, служебники твои, князья земли русской, вскорости пребудем к тебе купно», – так писал князь Иван Иванович хану Бердибеку.

Владыка Алексей остановился при соборной церкви Сарайской епархии, во главе которой стоял его ставленник епископ Иван. Вскоре, совершив богослужение в храме, митрополит в сопровождении епископа прошёл в трапезную и, благословив постную пищу, сел за стол.

– Неслыханные дела ныне в Орде творятся, владыко, – качая головой, рассказывал епископ Иван. – Бердибек убил отца своего и воссел на престол! Замятня великая началась...

– Ведаю, – промолвил Алексей, вкушая стерлядь. – Два месяца назад Божьей милостью я едва спасся из орды Джанибека, – напали на меня лихие люди ночью, когда я шёл к немощному хану...

– Слышал я, что ты, владыко, исцелил великую хатун Тайдулу! – просиял улыбкой епископ Иван.

– Не я, а Господь наш свершил сие чудо моими руками, – отозвался Алексей и вздохнул. – Желая я монастырь заложить в честь сего события, но времени всё не хватает. А, опричь того, дал я обет основать обитель во славу Господа нашего Иисуса Христа, Иже уберёт меня на пути из Царьграда, когда судно наше в бурю попало... Сдержу обеты свои, коли Бог даст сил... Так, что же хан Бердибек?

– У нас говорят, – шёпотом промолвил Иван, – будто повелел он убить братьев своих малолетних. Созвал их всех во дворец, а на заднем дворе по его приказу плаху соорудили. Палачи детей отнимали от матерей, и одному за другим головы рубили. Младший был младенцем восьми месяцев отроду...

Владыка Алексей осенил себя крестным знаменем.

– Се, такие дела творятся в царстве нашем! – проговорил епископ Иван и вдруг поймал себя на мысли, что говорит об Орде как о своей Родине. – Владыко?

Долго молчал митрополит Алексей – видение из далёкого прошлого заволкло пеленою очи его...

Ноябрь 1357 года. Новый Сарай.

– Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного, – начал мулла брачную проповедь по-арабски. – Помните – «ваши жёны для вас – одеяние, а вы – одеяние для них»!

Тринадцатилетняя девочка в атласном дээле⁹² красного цвета и голубом шёлковом платке стояла, потупив взор. Казалось, что из глаз её вот-вот польются слезы. Жениха своего она совсем не знала и видела второй раз в жизни...

---

⁹² Дээл – монгольский халат, носимый равно мужчинами и женщинами (прим. авт.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.